

18+

Юрий Полуэктов

---

*Мои невероятные
друзья — птицы*

Юрий Полуэктов

Мои невероятные друзья – птицы

«Издательские решения»

Полуэктов Ю.

Мои невероятные друзья – птицы / Ю. Полуэктов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-671561-5

Книга — результат случайного знакомства с пернатыми, наблюдений за ними, размышлений над необыкновенными, необъяснимыми особенностями их бытия. Автор, рассказывая о своём знакомстве с миром птиц, предлагает неординарные версии собственных догадок о природе загадочных явлений, событий, связанных с ними.

ISBN 978-5-00-671561-5

© Полуэктов Ю.
© Издательские решения

Содержание

Небесная вертикаль и степная горизонталь	6
Вступление	7
1. Первые встречи	9
2. Жаворонковое поле	16
3. Варакушки. Первые знакомства	20
4. Коноплянки	29
5. Подружки шведского соловья	38
6. Гнездовые тайны коноплянок	45
7. Беззаветные друзья	53
8. Майские сюрпризы	58
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Мои невероятные друзья – птицы

Юрий Полуэктов

Автор выражает глубокую благодарность кандидату биологических наук, доценту, председателю Оренбургского отделения Союза охраны птиц России А. В. Давыгоре за консультации в определении птиц при написании книги.

© Юрий Полуэктов, 2025

ISBN 978-5-0067-1561-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Небесная вертикаль и степная горизонталь

Юрий Полуэктов...

Это имя известно не только читателям Оренбургского край, но и за его пределами. Читатели успели узнать и полюбить Юрия Леонидовича, как многожанрового и умеющего удивлять автора. Такая разножанровость вытекает из многогранности натуры Юрия Полуэктова. То он создаёт роман об «эре ковида», начало которой застал почти на «родине ковида» – в Китае. То пишет цикл патриотической лирики «Донбасская тетрадь». А то уводит нас в «бактрийский горизонт» археологических изысканий на тему Тамерлана и Тохтамыша... Однако при всей своей широкой творческой палитре Юрий Леонидович остаётся верен одной теме. Точнее, верен ТЕМ, кто, собственно, в своё время и привёл его в литературу. Речь о птицах, творческий тандем с которыми у Полуэктова начался с эссе о пернатых, обитающих в Оренбуржье и... конца краю не видать, прямо как в оренбургских степях: линия горизонта, земная горизонталь, удаляется по мере приближения к ней.

Эта книга Юрия Леонидовича Полуэктова уникальна, несмотря на её логичность и закономерность, и ещё это очень долгожданная и для автора, и для нас, его коллег, книга! Она существует на стыке сразу нескольких, как минимум, трёх, литературных жанров – просветительского, натуралистического, художественного. Она будет интересна и детям, и взрослым, и «физикам», и «лирикам», и горожанам, уставшим от благ цивилизации, и сельчанам, живущим в непосредственной близости к природе...

Когда-то, начав писать о птицах своего сада, птицах своей малой оренбургской родины, Юрий Полуэктов вышел сначала на всероссийские обобщения и наблюдения за птицами большой Родины – России, а потом и до международных высот добрался, ведь птицы – создания общепланетные. Это тот случай, когда автор не только помогает расти и развиваться читателю, но и растёт сам в процессе создания книги! Этим в первую очередь интересна эта книга – книга-движение, книга-динамика. «Птичья» тема Юрия Полуэктова – не просто художественное оформленное повествование о природе. Это гимн родному краю, крылатому краю, ибо в изначалье существования России «птичья» тема была основополагающей. Не случайно, говоря об удалом мужчине, на Руси говорили и говорят: «Вот сокол!» или «Настоящий орёл!». А о красноречивом человеке говорят: «Заливает, как соловей!» или «Каркает, как ворона!». Говоря о любимой женщине, применяют образные ласковые «птичьи» определения – голубушка, горlinkа... А чего стоит весенний обряд выпускания птиц на волю!

Не стану утверждать, что на этом «птичьём» пути постижения родного края и родной стороны Юрий Полуэктов первопроходец. У многих наших писателей – и натуралистов, и авторов художественной литературы – так или иначе тема птиц присутствовал и ранее. К примеру, у Тургенева есть рассказ «О соловьях», где наш классик подробно разбирает песню лесного маэстро. Тем не менее, автор книги «Мои невероятные друзья – птицы» Юрий Полуэктов рассказывает о птицах совершенно по-своему, хотя и опираясь на литературный опыт славных предшественников.

Эта книга интересна именно подробностями, частностями, ведь на поверку большое живёт в малом, в капле виден океан, а в маленькой птичке-невеличке, если смотреть на неё внимательным взглядом художника, как это делает Юрий Полуэктов, можно увидеть не только раздольный наш оренбургский край, но и огромную нашу страну. Исконно Русь-Россия предпочитала птиц государственным гербом: сокола династии Рюриковичей сменил орёл династии Романовых. И эта «смена караула» ещё раз подтверждает, сколько значима для менталитета нашего многонационального народа небесная вертикаль.

Диана Кан, член Союза писателей России

Вступление

Острые зелёные лезвия прорезали мягкие ослабевшие берёзовые почки, замерли, осматриваясь и привыкая. Если приглядеться, то именно в это время заметно, что чёткая графика голых зимних ветвей потеряла резкость, размылась в дымке, внезапно затянувшей повислые кроны. Привыкнув к яркому пьянящему свету, зелёные братцы спохватились, заспешили подрасти, встать на черешок, заблестеть восковидной кутикулой, радуя безупречным глянцем листовяного рождества. Больше всех доволен ветер, играет не наиграется мягкими изумрудными прядями:

– Весна!

Когда же точно наступает весна? Неисчислимо количество знаков, сопровождающих её ежегодное шествие, бесконечно число точек отсчёта, когда можно радостно воскликнуть:

– Весна пришла!

Шафран (крокус) весенний

Кажется, за один только вчерашний день выскочили из земли и опушились тоненькими листьями-иглочками побеги адониса весеннего, и уже крошечная, похожая на ёлочку кочка сплошь покрылась, загорелась золотистыми ромашковыми солнышками. За то и называется в народе горицветом. Адонис приехал в сад из цветущей оренбургской степи. Когда-то я его аккуратно, с земляным комом, вырыл на каменистом косогоре, посадил в саду, и теперь он благодарно преподносит мне удивительно длительное цветение.

Разомкнулись над землёй разноцветные ладошки крокусов, потянулись к небу голубые звёздочки хионодоксы, распустились колокольчики неуверенной в себе пролески. Все эти

весенние эфемероиды, бросая вызов памятной зиме, вышли из не до конца оттаявшей земли, рассыпались цветными пятнами по саду:

– Весна!

Весенние приметы щедро разбросаны на каждом шагу – не ленись, примечай! Совсем, кажется, недавно я наблюдал забавную сценку, главными действующими лицами которой были две сороки. На оживлённой городской улице рядом с пешеходным переходом, за невысокой зелёной изгородью, растёт небольшое ясеневое деревце, на котором две сороки, заметно торопясь, будто срок сдачи уже сегодня, строили гнездо.

Весенняя лихорадка так сильно подействовала на птичьи мозги, что известные своей осторожностью представители врановых совсем не обращали внимания на прохожих, сновавших в разные стороны буквально в нескольких метрах от стройки: с ожесточением ломали клювом толстые ветки кустарников, пристраивали их в развилке ствола неосмотрительно низко над землёй. И я один меж торопливой толпы стоял в недоумении, пытаюсь расшифровать для себя, что бы значило это совершенно нелогичное и непонятное явление.

Посередине большого города сороки почти не гнездятся, правда, неподалёку находилось старое, заросшее кладбище, откуда они, скорее всего, в любовном порыве и прилетели на этот перекрёсток и, не осмотревшись, затеяли гнездование. Строительную площадку более неудачную и опасную найти невозможно. Столь необычную патологию птичьего поведения можно объяснить тем, что сороки обычно строят несколько гнёзд, значит, я стал свидетелем возведения заведомо непригодного жилища с единственной целью – ради удовлетворения таким экзотическим способом созидательной страсти.

На следующий день гнездовая напасть себя исчерпала: сорок на месте не оказалось, за ночь на них снизошло просветление. Не зря же сорока считается едва ли не самой умной среди класса «птицы» царства животных. Говорят, встретить одну сороку – плохая примета, ничего хорошего тебя не ждёт; если двух – значит, удача спешит тебе навстречу. Может быть, сороки затеяли свой строительный экзерсис, чтобы подать мне некий знак? Как бы то ни было, именно с предчувствия удачи, чего-то необыкновенного и начинается для многих людей весна.

Весна приносит ощущение самого благотворного времени. Самые-самые романтики вообще замечают одни только чудеса. Природа изо всех сил стимулирует жизнь. Всё-всё живое выстроилось в очередь за своим счастьем пробуждения, цветения, рождения. Нет отбоя от жаждущих сопереживать, соучаствовать, любить. Весной более всего дозволено явиться сладостному чувству безграничных возможностей.

Что же за истории я предлагаю вниманию читателя? За несколько лет их накопилось довольно много. Все они о жизни. О жизни растений, птиц, людей. О первых встречах, знакомствах с разнообразными пернатыми, обитающими в моём саду. О непостижимых для человеческого разума тайнах птичьего мира. Некоторые рассказы в какой-то своей части выбрались за пределы садовой территории. Но главное, по-моему, – здесь ничего не придумано. Правда, некоторые читатели отдельные фрагменты книги имеют право отнести к жанру фантастики или даже детектива, кому как захочется.

1. Первые встречи

Съездить в сад давно уже не терпелось. Душа истомилась среди стен городских многоэтажек, истосковалась по открытым просторам, по чистым запахам в степном воздухе. Тело давно забыло осеннюю усталость. Весна набирала темп, хотелось ещё больше ускорить её пришествие: снять укрытия с растений, ежегодно рискующих жизнью в нашем резко континентальном климате, освободить от пут кроны хвойников, стянутые на зиму ради сохранения формы, поднять пригнутые веточки форзиции.

Из-за весенней распутицы в первых поездках в сад обычно приходилось пользоваться электричкой. Город в это время уже освободился от снега, вне его пределов всё по-иному: овраги набиты влажной ледяной массой, в перелесках – сугробы. И железнодорожный полустанок с кое-как из бетонных плит сооружённой платформой тоже пребывал в околосимней дрёме. Остатки снега истекали из-под плит последними робкими ручейками. Деревья вдоль железной дороги стояли плотной озябшей шеренгой, по колено в снегу. Бетонные опоры контактной сети возвышались над ними, как головы баскетболистов над коренастыми пассажирами, застывшими в ожидании поезда.

На степном полустанке, построенном специально для нашего садового товарищества, кроме меня, никто из вагона не вышел. Садовая улица местами, между особенно высокими заборами, «заросла» сугробами: ноги в них проваливались выше колена. Пока доберёшься до сада, все грехи свои вспомнишь.

За калиткой меня обязательно встречают птицы. Вот и в этом году, едва я ступил на участок, из вороха обрезанных осенью веток выскочили и взлетели на иву две невеликие, размером с воробья, пичуги. Присмотревшись, на одной из них я различил яркое красное пятнышко. Это коноплянки. За пристрастие к семенам репейника их ещё зовут реполовами. Обычно они самые первые мои гости. Но гости – это только в человеческом представлении. Коноплянки в наших краях зимуют, кочуя неподалёку, и в сад прилетают гораздо раньше меня, ещё по снегу, разбирают самые укромные, самые удобные для гнездования места. Именно поэтому сами они считают себя полноправными владельцами местных угодий, а меня терпят как неизбежную, но неопасную напасть.

По влажной, не просохшей до конца дорожке я пробрался к расположенному в глубине сада домику. Перед домом компактно растут четыре туи. Они сплелись ветвями и превратились в единый, очень густой и разновысокий куст. Впереди – две крупные, в человеческий рост, шаровидные, сзади – две пятиметровые колонны. Из туй выскочил и уселся на трос, поддерживающий электрический кабель, протянутый к домику, ещё один красногрудый красавец. И тут же начал меня всяко порицать за нежданное вторжение: решил, что мешаю серьёзной весенней работе.

Коноплянки могут прожить до девяти лет, если ничего не случится. Похоже, меня встречал действительный старожил, не стеснялся, резал всю правду в глаза. За годы проживания пернатых в саду я привык выслушивать подобные реприманды. Но и выговоры исполняются артистично, звучат музыкально; разве можно на это обижаться? Среди настоящих певцов вздорных крикунов нет, их искусство не позволяет опускаться до уровня кухонных перебранок.

Есть такая особенность у коноплянок: чем ярче и крупнее красные пятна на груди у самца, тем старше и авторитетнее их носитель. Тот, у калитки, определённо молодой – новичок. Робок ещё. Грудь у него скорее розоватая, а вот узурпатор околотуйной территории носил просто пылающую грудь. В птичьем мире так: самые беспросветные заросли достаются исключительно по заслугам – старейшим. Птах выглядел настоящим героем: как же, защитник семейных ценностей. Я не стал с ним препираться, мне хотелось, чтобы птицы не рассердились и не улетели.

На садовом участке частенько квартируют сразу несколько семейных коноплянковых пар. Случаются в это время и конфликты. Первыми пару себе подбирают самцы постарше. Оно и понятно: красавцы, опять же, образованные, с жизненным багажом. Молодые, оставшись без пары, пытаются отбить дамочку у ветеранов птичьего сообщества. Кончается такой заход для них, как правило, плачевно: получают по загривку и улепётывают куда подальше. Но случается и дипломатическое разрешение конфликта. Однажды мне удалось сфотографировать момент общения двух таких «переговорщиков». На снимке хорошо видно, кто есть кто и что происходит. Молоденький самец слишком близко подкатился к туям – очень уж ему нравились густые вечнозелёные хвойники, где счастливая семейная пара плела свой весенний очаг. Старший тут же подлетел к молодому, начал объяснять коллеге, что непрошенный гость не прав во всех жизненных случаях. И, как и полагается бывалому педагогу, проводя профилактическую воспитательную работу, выглядел спокойно, уверенно, точно старший офицер на плацу.

Молодой вынужден был терпеть менторский тон бывалого товарища. Ему явно было не по себе от этой проповеди. Когда птички ощущают дискомфорт, чувят опасность, у них на голове приподнимаются перья. По тому, как у младшего по званию взъерошился чубчик, было очевидно, что мысли его не самые жизнерадостные. Что тут скажешь? Иерархия незыблема. В молодости многим из нас подобный старый хрыч настроение портил.

Воспитательная беседа

Самое популярное птичье место в саду – тот самый электрический провод, протянутый от уличного столба к домику, стоящему в глубине участка. Это и подиум, где они всегда любили покрасоваться, и сценическая площадка, откуда певчие и чирикающие демонстрировали свои вокальные дивертисменты, и место любовных свиданий, и сторожевая вышка. Провод натянут невысоко, рядом с основной дорожкой, и фотографировать пернатых на нём очень удобно. Ещё одна арена, где частенько фотообъектив отлавливал пернатых актёров и случайных залётных гастролёров, – шпалера для разнообразных лиан. (Есть у меня такая прихоть – выращивать

вьющиеся сорта жимолости и клематисы). Верхняя перекладина шпалеры сделана из тонкой стальной трубки: удобная птичья лавочка.

Самка коноплянки

Под кустами ещё лежал снег, и летний сезон стартовал с приборки в доме. Я возился на веранде и подглядывал за коноплянками. Самчик на проводе успокоился и запел настоящую лирическую песню. Песня коноплянки, нежная и чистая, входит в топ-список у любителей этого старинного жанра. Вторым голосом вступил обосновавшийся у входа в сад, слышались ещё голоса. Душа моя ликовала: коноплянки любят петь хором, а я люблю хоровое пение.

Самочка сновала по земле, по голым ещё кустарникам и периодически с травинками в клюве ныряла в туи. Строительство у коноплянок – на даме, гнездо она складывает очень аккуратное и очень уютное. Пока дачники пребывают в раздумьях, впрягаться или ещё потянуть резину, коноплянки уже всю плетут первое летнее жилище. За время нашего сожительства я обнаружил уже больше десятка отслуживших коноплянковых хаток.

Работа самца во время строительства, что называется, непыльная, но очень ответственная: распевать любовные ариозо и оповещать конкурентов о том, что здесь именно он хозяин территории, занятый строительством семейного очага, и посторонних просит не соваться. Новосёл сада заливался красиво и разнообразно, импровизируя от души, даже хохолок на голове изредка появлялся. Пение периодически «разбирало» самку: она подскакивала на провод, крутилась возбуждённо около кавалера, что-то нашёптывала ему. А он весь такой отстранённый певун, и только в песне его жизнь. Подружка не отступала, настаивала напористо, и... парочка стремительно слетала в кусты. Где и терялась. А ведь действительно не только у людей прекрасный слабый пол любит ушами. Через несколько минут пение и строительство возобновлялись с прежним усердием.

Счастливая и весёлая жизнь коноплянок продлится недолго. Через пару-тройку недель прилетит самец варакушки. Он тоже любит мой сад и уступать обжитое уютное пространство не захочет. Варакушка – это просто паралич какой-то для окружающих пернатых «партнёров». Чтобы прогнать коноплянку, она будет третировать несчастную птичку, воспроизводя самые

тревожные, самые отчаянные крики, какие только возможны в словаре коноплянок. Варакушке это легко: она прямо-таки мастерски подражает голосам самых разных птиц, великий полиглот пернатого царства. Бедные коноплянки в такие минуты едва с ума не сходят от страха и отчаяния.

Самец варакушки

А куда деваться? Самка-то уже на гнезде. Самец уходит на дальние, растущие по меже сирень и калину, сидит понурый, поёт невесёлые песни. На проводе появляется редко и в стороне от домика. Короче, живут коноплянки в постоянном стрессе – боятся, но терпят. И лишь когда у варакушки всё утрясётся и подружка снесёт яйца, буян добрее. Птенцов у варакушек высиживает только самка. Самец, как настоящий мужик, охраняет дорогую подружку, а потом кормит маленьких отпрысков. Иногда согревает голеньких, только что вылупившихся птенчиков, когда самка слетает за кормом. Словом, не до коноплянок ему, потому как своих родительских хлопот полон рот.

Только, ради бога, не демонизируйте варакушек: это не монстры. Никого не бьют и, тем более, не убивают. Просто в борьбе за территорию прибегают к услугам личной гортани. Если бы хомо сапиенс для достижения собственных целей использовал только парламентские дебаты, на земле, по крайней мере, не было бы войн. Варакушки на самом деле очень милые птички, и разговор о них я поведу в других рассказах.

После того как варакушка уgomонится, коноплянка оживает, смелеет, снова выскакивает на сцену с нежными песнопениями, намекая хлопчущей где-то по соседству самке, что он готов к утешительной пахоте на ниве умножения популяции реполовов. Горести позабыты, начинается вторая серия любовной истории с новыми композициями, с поцелуями на проводе. Прозаически выражаясь, зачатие нового в это лето выводка. Вот так и здравствуем, словно в большой коммунальной квартире, где всё на виду, вперемешку – с любовью и склоками.

Закончив дела в домике, я приступил к весенней уборке сада. Неожиданно на яблоне заметил незнакомую пернатую парочку. Они у меня появились впервые, и как их звать-величать, я не знал. Самец, яркий, зеленовато-оливкового цвета, бросился в глаза издали.

В бинокль были видны толстый, типичный для зерноядных птиц светлый клюв и серые бакенбарды по щекам. В крыле заметны жёлтые перья. Самочка поскромнее, более буренькая, но тоже с заметной прозеленью. Птички сидели спокойно, отдыхали, слушали пламенные певучие речитативы коноплянок, наблюдали идиллическую картину птичьего бытия в моём расчуденном саду. Возможно, размышляли, не бросить ли здесь якорь, – места-то всем хватит.

Вечером я, конечно, узнал их имя. Зеленушки. Птички распространены широко. На севере – перелётные, на юге, в том числе и у нас, – кочующие. Зовут их ещё лесным кенарем. Гнездятся на опушке леса или в садах, гнездо вьют на приличной высоте – от двух до четырёх метров. Мой сад вполне подходил для того, чтобы в нём обосноваться: и яблони высокие, и, самое заманчивое, туи рослые и густые. Привязанность к привычным для обитания местам (в науке это называется филопатрия) у них выражена слабо, так что клюнуть на мои туи вполне могли. Именно в таких густых хвойниках они и размножаются. Жаль, что сад невелик, забегая вперёд, скажу, что больше я их в саду не увидел. Да и коноплянки активно намекали на то, что наличествующая жилплощадь не резиновая.

Зеленушки

Самочка-коноплянка около калитки тоже бегала с травинками и пушинками в клюве и уносила свои стройматериалы в кустарниковую кучу. А я планировал сжечь этот прошлогодний хворост. Гнездо не достроено, яичек, тем более, в нём нет. Большого урона коноплянкам я бы не принёс – построили бы новое гнездо, это часто случается. Но получилось бы совсем негостеприимно. Птички-то доверились мне, не подозревая подвоха. Пришлось перенести уборку кучи на июнь, когда птенцы покинут гнездо.

На обратном пути к железной дороге я решил проведать широкую и густую лесополосу, составленную из клёна и тополя, где надеялся встретить какую-никакую пичужку. Подойдя к посадке, с удивлением увидел сугроб высотой не менее двух метров, следствие длинной, надоевшей нескончаемыми снегопадами зимы, набравшей не только рекордное количество осадков, но и несчётное чередование оттепелей и заморозков, отчего снег слежался так, что наст держал человека не хуже асфальта.

Ошарашенный, я шёл по снежному валу, накопленному лесополосой за эту необыкновенную зиму, запросто мог рукой достать до гнезда сороки и гнал перед собой стаю птиц, как мне показалось, с красными грудками, но не коноплянок. Коноплянки посубтильнее, лётный почерк у них особенный, порхающий, легко отличимый. Да и, как я недавно убедился, реполовы уже завязали со стайным зимним сосуществованием – разбились на пары, предавались любви и строительству. Это было самое настоящее зимне-весеннее чудо. Снег очевидно здорово сел. Я даже представить не мог, каким же был сугроб в разгаре зимы. В безлистном лесу птицы хоть и пытались спрятаться в переплетении веток, но внимательному взору нет-нет да и открывались их простенькие убежища, а место следующей после перелёта посадки было видно издали. В стайке получилось заснять овсянку, щегла, но основными моделями стали зяблики.

Зяблик из лесополосы

Птицы никак не подпускали меня на хорошее расстояние, фотографировались издали, в гуще кустов. Я даже взмолился всевышнему, чтобы он поспособствовал моей фотоохоте. Вскоре нашёлся один красногрудый красавец, который никак не хотел покидать любимое дерево. Долго, мне показалось, что полчаса, он позировал, пел весенние песни. Я и снимал вволю: на веточках, на снегу, чего мне очень хотелось (зяблики на снегу!), и записал на диктофон его соло; получил все возможные удовольствия.

В конце я понял причину нашего затянувшегося randevу: на дереве зяблик отыскивал что-то вкусненькое и не торопился покидать трапезную. Скорее всего, он наткнулся на прошлогодний клад семечек, который собрал заботливый поползень на соседнем поле подсолнечников, а за зиму никто из птиц тайник не нашёл.

После такой удачи я совершенно распоясался: начал передразнивать лесных говорунов, освистывать. Лесополосный птичник в долгу не остался, так что мы очень полезно провели время.

Заметны были только красногрудые яркие красавцы. Если все самцы, значит, возможно, это пролётные особи, а потому рассмотреть их особенно интересно – назавтра они будут уже

далеко. Птицы явно устали с дороги, перелетали от меня неохотно, недалеко и сразу в изнеможении ложились животом на толстые, раскинутые параллельно земле ветви. Наконец, плюнули на свою стайную систему безопасности, успокоились, стали допускать меня на приличный фотовыстрел.

Зяблик на снегу

Вспомнились встречи с зябликами в Санкт-Петербурге. Один раз это случилось в Александровском саду, прямо напротив Адмиралтейства. Я заметил нарядную птичку с красно-коричневой грудкой, в серо-синей шапочке, с румяными щеками, светло-розовым брюшком, зелёной поясицей, которую прикрывали гармоничной раскраски крылья. Тихонько, чтобы не шокировать гуляющую столичную публику, посвистел пичуге. Она среагировала очень благожелательно, подбежала совсем близко – рассмотреть и послушать неожиданного собеседника. Второй раз свидание с зябликом было ещё более радостным. На пустынной тропинке Крестовского острова, под такие же тихие призывы, птичка бегала едва не по моим кроссовкам.

А вдруг это питерские знакомцы? Далеко ещё им путешествовать, надо спешить. С дороги нужно будет отдохнуть, настроить голосовые связки, застолбить свою территорию, которую зяблики охраняют весьма ревностно, – могут и оттрепать слишком навязчивого соперника. Бывает, что в пылу яростного поединка оба борца в изнеможении падут на сырую траву, а хозяином земли себя объявляет третий самец: садится над головами поверженных соперников и запекает победную песню. С прилётом самочек и вовсе передохнуть самцу некогда, все знают, сколько хлопот у молодожёнов. А уж какой зяблик ухажёр! Ни на шаг от подружки не отступает: травиночку подносит (правда, сам в строители не суётся), пением утешает, на гнезде кормит, любовь-морковь, само собой, и даже на первом месте.

Здесь же, в оренбургской лесопосадке, птицы меня хоть и терпели, но озирались подозрительно, готовые при любом неосторожном движении сорваться и улететь. Интересно, что привычка возвращаться «с югов» в мужской компании дала повод Карлу Линнею в его единой классификации растительного и животного мира назвать зяблика (на латыни, конечно) «холостым» выюрком. Остроумный дедушка.

2. Жаворонковое поле

Весна только-только заявила о своих правах, а первые певчие птички уже рады приветствовать её приход, не жалея ни голоса, ни времени. Коноплянки, которых я встретил в своём саду, не единственные, кто уже прилетел на летнее поселение. Через несколько дней после открытия дачного сезона, по дороге в сад, я сошёл с поезда, не доехав одну остановку, чтобы два километра прогуляться нехоженными весенними тропами. По пути находилось давно примеченное жаворонковое поле, и мне очень хотелось полюбоваться весенними токовыми полётами, насладиться журчащими переливами птичьих мелодий. Пеший переход был в радость. Ноги ощущали зыбкую пружинистость влажной почвы, но стопа не проваливалась – поверхностный слой успел подсохнуть. Примятые снегом, бурными мазками стелились по земле при-смирившие волны ковыля, овсяницы, других степных злаков.

Жаворонок

Заканчивалась первая неделя апреля, поля вокруг уже совершенно очистились от снега. Начали пробуждаться жуки и мухи: порой при моём приближении они, полусонные, едва успевали уступить мне дорогу, вяло перелетая по высоким сухим травинкам. Ожил первый степной муравейник: несметное число насекомых копошилось сразу в трёх соседних ямках, отогреваясь на припекавшем солнце. Из-под ног метнулась испуганная ящерица – очевидная примета весны. Изредка пролетали бабочки: белые с зеленовато-бурым крапом – белянки, рапсовые и кирпично-красные с чёрными пятнами – крапивницы. В детстве они назывались просто: капустницы и мартыны.

На середине пути заставили остановиться, оглянуться лебединые клики. Лебеди, лебеди... родные братья невинных весенних облаков спешили на север. Их чистые, подсвеченные солнцем перья блестели празднично, казалось, солнечный ветер подгоняет белую стаю, подталкивает, понуждает ускорить полёт. Сильные звонкие голоса звучали пламенно, слыша-

лась радость возвращения на родину – единственную и любимую, чувство, недоступное оседлому населению планеты. Звучало, без сомнения, лучшее стихотворение весеннего дня.

Железка тянулась по краю сакмарской поймы. Удаляясь от неё, я неспешно восходил на увалистое степное плато и погружался в сладкозвучное жаворонковое пение. Солнце уже поднялось над припавшей к горизонту неплотной пеленой облаков, далёких, ненадёжных, неверных. Было очевидно, что день будет солнечным, и птички трели сообщали долгожданные послезимние радости. Я присел на окраине поля, в тени лесополосы, и стал наблюдать. Прямо передо мной, практически вертикально, часто трепеща крылами, в токующем полёте поднимался жаворонок. Звонкие свисты, трели звучали напористо и вдохновенно. И само пение в этот момент менялось: поднималось выше, делалось пронзительнее и откровеннее. Не оставалось никаких сомнений, что это обещание единственно возможной, нежной и восторженной, неземной любви. Поднялся медленно и не очень высоко. Когда накал эмоций стал совсем уже нестерпимым, завис в верхней точке, распластал крылья. Серенада тоже достигла апогея: горло закурлыкало металлическими шариками, которые вдруг начали перекатываться в захлебнувшейся песней гортани. Потом плавно начал опускаться. В мелодии появились новые неожиданные темы: неуверенность и мольба – всё это вызывало жалость и неистощимое желание утешать. На половине спуска – срыв в стремительное падение, и у поверхности земли – горизонтальный полёт, который издали-то незаметен, скрывает истинную точку приземления, расположение будущего гнезда. У самой земли навстречу кавалеру приподнялась самочка, и они вместе, лавируя среди высокой сухой травы, отлетели в сторону и спрятались среди мёртвых прошлогодних побегов. Власть весенней страсти была так сильна, что птицы не обращали внимания на сидящего человека. Любовная прелюдия развернулась близко. Я хорошо всё видел, будто сидел в первом ряду партера, наслаждаясь нюансами игры пернатого актёра.

Неподалёку поднимался другой страстный выразитель своего безмерного чувства, и третий, и пятый... И вокруг каждого из них невидимым циркулем была очерчена зона, куда посторонним вход запрещён. И право на место обитания свято, и никем не нарушалось. За окраиной поля я видел, как высоко в небе кружилась одинокая неприкаянная птица, которая периодически пыталась подобраться поближе, но полевые квартиры были уже распределены. Каждый раз при её приближении местные проживающие усиливали звук своих голосовых инструментов, поднимались в воздух, обозначая собственное исключительное «гражданское» право. Несчастный опоздал на родимую поляну и никак не хотел с этим смириться. Бывает. Придётся ему всё-таки отыскивать другое пристанище.

Это на моих глазах всё было так распрекрасно распределено, можно сказать, культурно, и даже чужак изгоняется одним только словесным поношением, то есть вполне цивилизованным манером. А совсем недавно здесь происходили самые настоящие гладиаторские бои за каждый клочок земли, так что перья летели во все стороны, да и за самками кавалеры гонялись не совсем по-джентльменски.

Полевой жаворонок немногим больше воробья, буроватый, с пестринами и небольшим хохолком, который он приподнимает, почуяв опасность. Наряжен скромно, но, на мой взгляд, со вкусом. Различить его в сухой прошлогодней траве трудно, выручал бинокль.

Хорошо помню, как в голодные послевоенные годы на Жаворонки мама выпекала невероятно вкусных птичек. Я бегал по комнате, подбрасывал ещё обжигавшего ладони жаворонка к потолку и кричал:

«Жаворонки, прилетите,
Студёну зиму унесите,
Тёплу весну принесите:
Зима нам надоела,
Весь хлеб у нас поела!»

И, кажется, во всём детстве вкуснее лакомства не было. А живых жаворонков по-настоящему рассмотрел только на жаворонковом поле.

Заглядывал я сюда не только весной, но и летом, благо сад расположен совсем рядом. Ехал я однажды в середине августа вдоль лесополосы, окаймляющей жаворонковое пристанище, и приметил на тополе сокола.

Чеглок неистовый

Остановился, конечно, вышел из машины с фотоаппаратом, начал снимать птицу, оказалось, что это чеглок. Вдруг на меня спикировал второй сокол, не долетая буквально нескольких метров, притормозил и взмыл кверху. Мне стало немного не по себе, сокол – птица крепкая, ударить может так, что мало не будет. Не очень-то ты, брат, вежлив, думаю, но бить как будто не собираешься, хотел бы – ударил, значит, прогоняешь. Второй сокол сорвался с тополя, присоединился к первому, атакуют страстно, по очереди, получается настоящая, почти смертельная карусель. А и во мне азарт проснулся, я-то тоже охотник, хоть и с приставкой «фото», никогда так близко соколов не видел, отступать неохота. Снимаю, камерой прикрываюсь, а и её тоже жалко, недешёвый аппарат. Стою, не шевелясь, не переминаясь, причина атак очевидна: соколята-слётки ушли из гнезда, но летать толком не умеют, притаились где-то в траве рядом со мной, ждут, когда родители прогонят надоедливую фотографа. Много сделал кадров, наконец, решил угомониться, уехал. Дома радостно смотрел фотографии, редактировал, всё хорошо получилось.

Совсем молодой соколик

Через день решил снова наведаться к тополю, проверить соколов. К взрослым птицам добавились окрепшие слётки, над лесопосадкой кружила уже целая соколиная стая. Никакой агрессии не было, чеглоки спокойно летали надо мной, позировали на ветках деревьев, особенно старались молодые, иногда даже демонстрировали групповые полёты. Фотографий получилось больше, чем в предыдущий съёмочный день. Вечером я перебирал, сортировал снимки и вдруг подумал о жаворонках, вспомнил, что ни одного из них за эти два дня мне не встретилось. На следующее утро полетел на жаворонковое поле проверить свои опасения. Любимых моих певцов не было... Чеглок – самый быстрый из соколов, такой же, как сапсан; охотится на лету, предпочитает некрупных птиц – скворцов, жаворонков, даже самая стремительная мелочь (ласточки и стрижи) не может спастись от этого хищника. Оставалось надеяться, что кто-то из пернатых артистов схоронился на соседних полях, в лесопосадках, хотя ясно было, что далеко не многие. Расстроился я, да ничего не поделаешь, дикая природа живёт по своим законам. Три года после этой трагедии по весне заезжал я на жаворонковое поле, но никого из них не нашёл. Крепко запомнили птицы суровый чеглочий урок.

3. Варакушки. Первые знакомства

Задорное время первоцветов плавно сменяла пора ликующего цветкового половодья. Долгожданное солнце ласкало полянку, полную гордых бело-кремовых улыбок ветреницы. К ветренице тянулись и не могли дотянуться восхищённые ладони курчавых синих мускари, обречённых на вечную неразделённую любовь к заносчивым длинноногим соседкам, и ветер множил их сладкую горечь едким дыханием костра из тлеющих прошлогодних листьев. Форзиции справились с долгим бесснежьем сурового января. На фоне наряженного в белое сливово-вишнёвого населения сада горели они тремя золотистыми кострами, особенно приметными ещё и потому, что листва не поспевала за кудрявым цветочным нарядом. В наших краях нежная южанка цветёт, только перезимовав под снегом, поэтому каждую осень приходится вырезать старые негнувшиеся ветки, а молодые низко пригибать к земле, прятать под пушистое одеяло.

Цветущая форзиция

Насытившись панорамой, взгляд опускался долу к ароматным купенам. Её ещё неправильно называют садовым ландышем – видимо, потому, что чувствуется: купена из ландышевых. Листья – почти близнецы, а гирлянды крупных белых фонариков совсем не похожи на крошечные чепцы их лесных родственников. Добавляли цвета жёлтые и оранжевые пятнышки спирей японских. Нет, не цветами – их срок летом, в мае они интересны необыкновенной, скорее осенней, полыхающей расцветкой молодой листвы. Но сходства с осенью не чувствовалось. Молодость ведь не задумывается о непонятной ей старости.

На участке живёт много птиц. Гнездятся в винограде, в вишарнике, в туях, в барбарисе, в штабеле посеребривших старых досок (которые и лежат-то только потому, что выбросить жалко, – вдруг ещё на что-то сгодятся), если зазеваешься, не успеешь прибраться, так и в куче срезанных прошлогодних веток. Заселялись пернатые по мере того, как рос сад, который я раз-

бил вместе с другими садоводами. Мне досталось место на южном склоне довольно высокого пологого холма, почти на его вершине. Первыми появились воробьи, но ничего неожиданного, интересного в соседстве со скандальными непоседами поначалу не было.

Со временем я присмотрелся к ним внимательнее. В саду обитали только полевые воробьи, ещё их зовут красноголовыми, несомненные красавцы по сравнению с их городскими родственниками, которых правильно называть воробьями домовыми. И голова у полевого яркая, каштановая, и сверху – на спине и крыльях – гораздо больше намешано кофейного, тёплого, и две белые полосочки по крылу ох как уместны! Я часто наблюдал, как внимательно обследует он цветущую вишню. Каждую веточку обскачет, каждый цветочек осмотрит, собирая вредных для растения насекомых. Заботится о будущем урожае: в конце сезона воробьи переходят на растительный корм, и их доля в итоговом сборе вполне заслуженная.

Потом прилетели трясогузки. И с этими спокойными, деловитыми птичками установились вполне дружелюбные отношения. Очень вежливая птичка: прилетев весной, первым делом садилась неподалёку, здоровалась. Минутку мы с ней общались, я рассказывал, что скучал без неё зимой, она ведала мне нечто похожее, и мы вновь обращались к делам насущным.

А вот настоящие певчие птицы появились гораздо позже и для меня неожиданно. В девятые годы наша страна переживала потрясения, которые называют кто бархатной революцией по-русски, кто великой либерально-криминальной революцией, кто победой демократии. Выживающий народ массово покидал привычное место работы, круто менял своё житьё-бытьё. Вот и я оставил свою самую распространённую в то время промышленную специальность инженера и отдался аграрному сектору народного хозяйства: занялся выращиванием растений и строительством садов. К тому же оказалось, что у меня лёгкая рука и растения, мной высаженные, очень хорошо растут. Тогда в продаже появились декоративные растения, о которых совсем недавно мы и не ведали. В результате этого своего земледельчества я (не боюсь преувеличить) вырастил тысячи самых разных растений. В том числе украсил ими собственный сад. Засадил его туями, можжевельниками, разнообразными спиреями, пузыреплодниками, чубушниками, форзициями, ивами – всего и не перечислишь. Десять лет сад рос, загушался и однажды превратился в птичий заповедник.

Ко мне прилетели настоящие певчие птицы. Для придания пушей интриги моему повествованию сообщу, что до той весны, когда всё случилось, о птицах я имел среднестатистическое представление, попросту говоря, практически не имел никакого. Певцы поразили, увлекли, восхитили.

Наблюдая и слушая своих крылатых поселенцев, часто вспоминал моего тестя Николая Фёдоровича. Он знал многих птиц – различал их по внешнему виду, по песне. Легко находил птичьи гнёзда, по устройству гнезда, по яичкам определял, чьё же обиталище неожиданно отыскалось. Такой вот божий дар. Ему бы орнитологом быть, но служил он на железной дороге связистом. В войну семнадцатилетним пареньком ушёл в родные псковские леса партизанить, потом воевал в регулярной Красной армии разведчиком. Демобилизовался избитый минными осколками, с тяжёлым ранением в живот. Чудом выжил – стараниями жены Валентины Алексеевны. Не до учёбы было.

Николай Фёдорович и мне частенько показывал и называл птиц во время наших блужданий по его заветным грибным местам. Чувствовалось, что очень хотелось ему с кем-нибудь поделиться своими знаниями, рассказать о своей сердечной увлечённости. Да только разве различишь в густой листве птичку-невеличку – издали они все казались как воробьи. Знания тестя мне, городскому жителю, представлялись удивительными, вызывали лёгкую зависть, однако в душу мою птицы по-настоящему так и не торкнулись, – оттого, возможно, что не было случая вблизи разглядеть красоту скромных пернатых.

Но, как видно, страсть, владевшая Николаем Фёдоровичем, не могла так просто исчезнуть, и то ли по наследству, то ли ещё по каким-то причинам в мою судьбу голосистые птахи

ворвались сами, да ещё и красавцами оказались расписными, разряженными. Я воспользовался таким роскошным птичьим подарком: с помощью фотоаппарата и бинокля со временем всё-таки заглянул в скрытый, недоверчивый птичий мир.

Первой на участке появилась птичка, которую я поначалу едва не принял за воробья. К тому году, наконец, повзрослела, раздалась кружевным шатром желтокорая ива. Длинные тонкие веточки поникли до самой земли. Около ствола образовалось уютное место отдыха, закрытое со всех сторон и от взгляда, и от назойливого летнего солнца. Ива цвела золотистыми прядями. Я и не подозревал, как обворожительно она пахнет. Проходил мимо и застыл, поражённый.

Раздвинув полог, который образовали длинные плакучие ветви, заглянул внутрь – а я не один: сладковатый медвяный дух привлёк много чёрных, напоминающих мух насекомых. Они наслаждались. Хмельные от вкуса нектара и запаха эфирных масел, медленно и лениво облетали изящные желтоватые серёжки, висящие на тонких прутиках внутри плакучего дерева. Между соцветиями уже распускались молодые листья и приветливо колыхались под лёгким ветерком, отбрасывая в наклонных лучах утреннего солнца серебристые блики со своей нижней поверхности.

И здесь же сидела крошечная, чуть мельче воробья, пичуга с синим пятнышком на груди, готовилась к броску за добычей. Мгновение – и она уже на соседней веточке, а в клюве завтрак – на лету схваченное поперёк туловища большое, кажется, шире птичьей головы насекомое, которое птаха очень ловко, одним только клювом, в несколько приёмов перехватывала и глотала. Затем снова готовилась к прыжку.

Солист садового хора

Птичка только что завершила длинное и опасное путешествие из тёплых южных пределов, спешила восстановить силы. Она видела, не могла не видеть меня, с восторгом и удивлением на неё смотревшего, но не нашла в себе сил покинуть обеденный стол, богато накрытый столь аппетитными насекомыми. Да и должна была почувствовать, что от меня не исходит ничего враждебного, вот и не улетела, а ведь протяни я руку – достал бы. Чтобы не мешать пичуге охотиться, пришлось осторожно поправить ивовые занавески и удалиться.

Я был очарован смелостью и красотой поглотительницы двукрылых сладкоежек. И уж совсем меня накрыло, когда в следующий приезд я услышал, как она поёт. Дело было через несколько дней после примечательного поедания мухообразных. В тот раз у самого входа в сад я столкнулся с архинеобычной незнакомкой. Около вспаханной с осени грядки, едва шевеля конечностями, выбиралось поближе к солнцу маленькое буроватое, замаскированное под цвет грунта земноводное. Флегматичное животное только что выползло из оттаявшей земли, где оно успешно переждало морозы, было облеплено влажными комочками грязи, мечтало поскорее согреться и обсушиться.

Чесночница

И явно не приветствовало склонившегося над ним фотографа. Вертикальное полуоткрытое веко придавало взгляду одновременно томность и подозрительность. Я решил, что передо мной застыла жаба. Жабу не очень жалуют в народе, вот и я некогда, так давно, что даже уточнять неудобно, когда это было, твёрдо знал, что если дотронешься до жабы, то руки непременно покроются бородавками. Не знаю, сидит ли такой предрассудок в головах нынешних дошколят, но брезгливое отношение к этим симпатичным животным незаслуженно сохраняется до сих пор.

Однако знающие люди меня поправили: это чесночница. Ведёт она ночной образ жизни, прищурилась потому, что так заведено: если хочешь хорошо видеть ночью, береги глаза от солнечного света. На день обычно закапывается, поэтому наше знакомство было совершенно случайным, и я радовался за нас двоих. Ест всё, что попадает: гусениц, червей, жуков, пауков и даже разносчиков тли – муравьёв. А вот чесночницу лучше не трогать: её кожные железы

выделяют ядовитый секрет, имеющий запах чеснока, который при попадании на слизистые оболочки человека вызывает раздражение. И всё равно, невзирая на неудобства общения, чесночница заслуживает бережного к себе отношения, как, впрочем, и вся природа.

Около домика на проволоку, поддерживающую электрический кабель, неожиданно взлетела моя знакомая и засвистела, защёлкала, закаламбурила по-птичье. Я остановился надолго, заслушался. Стало понятно, что птички заселились где-то на участке и хозяйка нового поселения таким способом разъясняет мне заковыристую сложившегося момента, мол, товарищ, ты здесь лишний. Пташка несколько меня не боялась, подпустила к своей персоне на три метра. У птиц хорошая память, и, видимо, она запомнила наше первое, такое доверительное свидание. Свистун я никудышный, но всё же попробовал отвечать на её музыкальные эскапады робким ответным свистом, и она не обиделась, не презрела меня, ответила. Начался диалог, и в дальнейшем такие диалоги меж нами стали привычным делом. Каждый раз, приезжая в сад, удавалось выкраивать несколько минут, чтобы по-приятельски с ней пообщаться.

Однажды я принёс фотоаппарат и сфотографировал птичку. Сниматься ей понравилось, только не понравился аппарат, самый простой, непригодный для съёмок мелких отдалённых объектов. Действительно, певчие птицы – невелички, почти все размером с воробья. Чтобы получить хорошие снимки, нужен объектив, увеличивающий поющую солистку. Пичужка хоть и подпускала меня совсем близко, чувствовала себя не очень уютно.

Настроение моё омрачалось незнанием имени моей собеседницы. Подсказали друзья: птицу с ярким рыжим окошком посередине синего нагрудного пятна величали почти неприлично – варакушкой. Причём так форсисто рядятся только самцы. Было удивительно: какими ветрами занесло на мою дачку такого красавца?! Нырнув в интернет, я узнал о варакушке много интересного и ещё больше очаровался.

Птичий восторг

При всех поездках в сад меня стала сопровождать фотокамера, и я частенько брал её в руки, затевал тарбарскую мелодию, пытаюсь подражать новоявленному солисту. Варакушка

вылетала из кустов, усаживалась на своё излюбленное место на тропе, озиравшись вокруг с любопытством и возмущением:

– Кто тут пытается со мной соперничать?

Я продолжал задираться, и певец заводился, пронзал горячий солнечный свет новой убедительной трелью ещё громче, ещё изощрённее. Пока он доказывал, кто здесь самый главный, самый умелый, я не спорил и, стоя за виноградом, с нескольких шагов делал столько снимков, сколько хотел. Певец привык ко мне, не осторожничал. Варакушка – птичка-пересмешник из рода соловьёв: запоминает голоса самых разных птиц, ловко им подражает, поэтому у неё такая разнообразная концертная программа. Красиво петь ей положено по статусу.

Считается, что варакушек очень легко услышать, но рассмотреть трудно, они обычно прячутся в зарослях. Мой же соловушка, да не только он, а и все поселенцы последующих лет почти каждый раз велись на нехитрые подначки, выскакивали на сценическую площадку, смело вступали в яростную перепалку с человеком, великолепными переливами и щелчками внушая мне, а заодно всей округе своё первородное право на сад. Песня разливалась непередаваемо дивно. Свист и щёлканье, характерные для соловьиных трелей, перемежались мелодичными фрагментами, экспромты в песню вплетались, будто кудель невесте в косу. Сейчас, по прошествии лет, я знаю, что птицы даже одного вида поют по-разному. Есть среди них посредственности, неизвестно в каких школах обучавшиеся, и есть истинные виртуозы с хорошим «консерваторским» образованием.

Мне повезло: оказалось, что мой первый квартирант практиковался в самых престижных птичьих ансамблях. Много самцов-варакушек видел мой сад, но того, первенца, никто впоследствии не перепел. Поёт у варакушек только самец – страстно, не жалея голоса, словно пробуя на вкус прозрачный, полный любви воздух.

Сразу видно, кто в доме хозяин

Нагрудное убранство самцов природа разрисовала разнообразно, близнецов среди них не встретишь. А уж мой-то первый певец расписан был особенно сочными красками. Великолепная манишка густого лазоревых цвета, по центру которой светилось кирпично-крас-

ное пятнышко, окантована двойной каймой – нарядной, словно вязанной крючком, чёрной и слабо обозначенной рыжей. В хвосте варакушек прячутся яркие рыжие перья, особенно хорошо видимые во время перелётов. По пятнышку на нагрудничке они и зовутся – рыжезвёздные, пренебрежительно и одновременно возвышенно, как это часто в русском языке случается. Во время пения самчик держится прямо и строго, как солист Большого театра во время престижного выступления. Эта красивая птица распространена широко, и шведы поступили довольно нахально, назвав её на латыни шведским соловьём. Как-то нетолерантно получилось по отношению к Евразии, где они повсеместны, да и к моему саду тоже.

Каждую весну я встречал в саду варакушек. Разных. Так я думаю потому, что в различные годы они приносили непохожие песни. За счастливое место в зарослях кустарников шла невидимая для меня конкуренция. Но я рад любому соловушке, лишь бы прилетали, пели, выводили потомство да не чурались хозяина.

Случались и забавные происшествия. Возился я как-то около густой куртины туй, выкапывал побеги купены. Вдруг над левым ухом свистнула варакушка – громко, резко, так что заложило не только левое, но заодно и правое ухо.

Я опешил: только что, когда я вошёл в сад, птичка, как у нас заведено, выскочила на провод, просвистела приветствие, я ей свистнул в ответ – получилось обыкновенное, вполне товарищеское общение. И вдруг, пожалуйста, одной нотой любимый исполнитель едва не угробил сразу два моих слуховых органа. Закончив быстренько с купеной, я перебрался под вишни копать аквилегию, краем глаза наблюдая за варакушкой. А он нет-нет да и нырял под туи. Значит там, по соседству с купеной, намечено обустройство семейного очага, а я припёрся с раскопками. Вот и получил. Я бы на его месте ещё не так разозлился. Но варакушка мой не злопамятный, вскоре прилетел пообщаться на вишнёвую веточку и вообще бегал вокруг меня, словно простой домашний цыплёнок.

Неудивительно, что самые популярные в моём фотоальбоме – самцы варакушки. Они, все без исключения, меня ни в грош не ставили. Активно утверждали своё право на территорию, не терпели возражений на музыкальном ринге и вообще любили покрасоваться на садовом электрическом проводе. Дата в календаре значение имеет. Чем ближе к жёлтым осенним числам, тем меньше вероятность общения. Но пока весна не ушла на пересменку, ничто не омрачало наших свиданий.

Позже, в июле, самцы варакушки постепенно начинают терять голос. Встречи с птичкой в эту пору нерадостны: птах старается изо всех сил, но нет уж в песне прежнего задора, пропали мелодичные свисты, украшавшие пение, придававшие ему чувственность. Скрипит сверчком, тараторит по-воробьиному, заикается. С природой не поспоришь, ещё немного – и вовсе замолкнет золотое горлышко.

Самец варакушки

Даже облик певца меняется: кажется, что и в объёме-то птах ужался. Душа не ликует, и хвост веером не раскрывается. Чует, что кончается песенная пора, силится, вымалывает для себя ещё хотя бы денёк вдохновения, хотя бы миг наслаждения. Но песня не поётся, стихи не складываются. Трагедия существа творящего. И как в таком случае быть слушателю – сочувствовать увядающему мастеру или потешаться над неудачником?.. А?

Не знаю, какие эмоции в это время бушуют в птичьих сердцах, но, если на месте варакушки представить себе человека, то, увы, как говорится, варианты возможны.

И мой садовый приятель, двоюродный братец соловья, не стал исключением. Постепенно его песня теряла изящные коленца, становилась однообразнее и скучнее. Весь день он мог утомлять меня бесконечными предисловиями к своему музыкальному опусу, но так ничего толком и не изречь. Потом и вовсе всё сводилось к протяжному «фии-и-и-и» и ещё к негромкому пощёлкиванию, которые изредка слышались в зарослях до самого отлёта на юг. Я иногда подходил к туям, цокал языком по небу, потом свистел, как мне казалось, понятную варакушке фразу. С отчаянным упрямством вылетал на свист этакий Добрыня Никитич певчего птичьего господства, вскидывался на проводе браво, по-воеводски: «Эх, щас рвану!» Да где там... Немое горло тщетно блуждало в поисках забытого языка, выдавливало редкий нестройный клёкот и тихие безыдейные свисты. Сокрушённый неродившейся песней молодец безгласно увядал. Отставной солист птичьего хора устало сидел на тросе, ища и не находя гармонию в беспорядочных моих подражаниях своему весеннему вокализу.

Тот первый год знакомства с варакушками по логике своей драматургии не мог закончиться без последнего перед зимней разлукой свидания. И мы встретились. Стояла середина сентября, время массового птичьего перелёта на юг.

Установилось ненастье. Грязные дикие тучи скользили по влажному небосводу, кружились и громоздились в кучи, как сбившиеся в аварии автомобили из старого чёрно-белого боевика. Отдыхали на проводах грачи, трещали и почему-то по-собачьи лаяли сороки, в лесополосе на границе садов и большого заброшенного поля на высоком сухом тополе мутными каплями висели вороны.

Все мои певчие друзья разлетелись, пообщаться было не с кем. Проходя около туй, я по привычке посвистел, поцокал языком по небу, и на провод взлетела небольшая пичуга. В видоискателе фотоаппарата был замечен синий нагрудничек самца варакушки. А я уже отчаялся с ним встретиться в этом году. Не знаю, был ли это варакушка, развлекавший меня минувшей весной, или случайный пролётный. Кочуют они поодиночке, поэтому всё могло быть. Понравились мои туй, вот и решил здесь передохнуть с дороги.

После линьки осенний самец явно проигрывал весеннему красавцу. Был бледнее, рыжее пятнышко на грудке оказалось совсем крошечным, чёрная окантовочка вокруг синего—тоненькая, зато ржаво-рыжий пояс, лежащий пониже чёрного ободка, заметнее и шире. Рыжая оторочка опрощала облик, терялась былая представительность. Если судить только по внешнему виду, то выглядел он солистом народного хора в районном Доме культуры. Утренняя морось усугубляла впечатление. Птах промок до последнего пёрышка. Казалось, он не хотел улетать из приютившего его сада, он плакал, и прощальная слезинка, а не холодная дождевая капелька повисла на остреньком клюве моего любимца. Я был безмерно рад осенней встрече: варакушка прилетел со мной попрощаться, значит, весной обязательно сюда вернётся.

4. Коноплянки

Приходит время, когда сад как бы начинает ощущать, что смена времён года – это неумолимая и неприятная неизбежность. Ушла в прошлое буйная пора появления всходов, роста листы и побегов, схлынул азарт соперничества цветов и ароматов. Проявилась робкая по первости неуверенность в завтрашнем дне: началось увядание отплодоносивших побегов малины, появились первые семенные коробочки на цветах. Середина лета, время созревания вишни.

В саду есть участок, где живут слива и вишня, – выросли уже большие, кроны почти сомкнулись. Под деревьями расстелился сплошной ковер травянистых растений. Тут и там видны ажурные кочки аквилегий, бурые семенные коробочки которых застыли недвижно на высоких сухих цветоносах. Если их задеть, слышно, как пересыпаются внутри семена, будто шепчутся молодые девчонки, тесно сидя на небольшой лавочке, которой, впрочем, уже давно нет, как и дома, у которого она была вкопана, как и улицы, снесённой ради нескольких панельных девятиэтажек. Между аквилегиями – полянки, на одной спряталась от палящего солнца и как-то очень серьёзно переливается тёмными оттенками зелёного и вишнёвого живучка сорта «атропурпуреа». На соседней, напротив, веселят необычным сочетанием розовато-лилового и светло-зелёного листочки живучки сорта «бургунди глоу». Здесь же, непонятно какими судьбами на этот затенённый участок занесённый, алым пятном красуется одинокий лилейник, а ближе к вишнёво-сливовой опушке в полутени расстелился, рассыпался золотыми червонцами желтолистный вербейник монетчатый.

Здесь я и собирал вишню и неожиданно увидел птаха мелкого, воробьиного размера, очевидно, самца с ярким красным пятном на груди, лакомившегося вишнёвой мякотью. Вскоре появилась и пестрогрудая самочка, птички постоянно были вместе. Пел «красногвардеец» не очень громко, благозвучным, высоким голосом, богатым обертонами, – словно звенел серебряный колокольчик. Это было в том же самом году, когда я впервые увидел и услышал настоящую певчую птицу – варакушку, второй за лето подарок судьбы. Недавно сошёл со сцены пернатый вокалист, о котором я прежде и не слыхивал, и на смену ему пожаловал новый, тоже неведомый и виртуозный исполнитель. На подсвист, который я постарался воспроизвести в достаточно высоком диапазоне, реагировал вполне доброжелательно и даже расположился послушать меня на том же самом месте, где обыкновенно сживала варакушка. Я схватился за фотоаппарат – надо же идентифицировать нового гостя! Пример варакушки показал, что достаточно большое количество снимков, сделанных с разных ракурсов, позволяет распознать вид птички и неопытному человеку, даже несмотря на то, что их окрас непостоянен от особи к особи.

Самец коноплянки

Но роль первой фотомодели дня досталась самке. При виде фотографа она села на веточку жёлтой плакучей ивы и добросовестно отработала достаточно продолжительную фотосессию. Негромко насвистывая, я подошёл вплотную к дереву, занял позицию, при которой листва не мешала съёмке, и процесс пошёл! Птичка сидела прямо, высоко подняв светло-бурую грудь, украшенную бурыми продолговатыми крапинками, уложенными в красивый графический узор, напоминающий два устремлённых вниз луча новогодней снежинки. Она снялась в профиль – и слева, и справа, демонстрируя свою стать и крепенький клюв серо-синего цвета, и анфас – загадочно глядя в небеса или пристально заглядывая прямо в объектив:

– Чего ещё изволите?

Самка коноплянки

Снимки в рамочке изящных ланцетных листьев получились словно постановочные кадры в городском фотосалоне.

Затем настала очередь самца, он тоже позировал с видимым удовольствием: на тресе для электрического провода, протянутом по саду, на веточках вишни, на высоких проводах, натянутых вдоль садовой улицы, и подпускал меня к своей особе удивительно близко. Фотографировался в разных позах, с разных сторон, так что потом, увеличив изображение, я любовался стройно сложенной птичкой с буровато-коричневой спинкой, в самом низу которой просматривалось белое пятно, скрадываемое крыльями. А малиновое пятно на серой головке он показал, специально изогнувшись и оборотив голову назад, да ещё и наклонив её в мою сторону, чтобы лучше было рассматривать, – ведь снимал я с земли, а птица всё время находилась надо мной. Периодически к нему подлетала самочка, удались и несколько парных фотоэпизодов. Воистину в моём тогдашнем понимании начинающего фотоохотника это была вершина карьеры птичьего папарацци!

На следующий день я продолжил фотоохоту, затаившись в том же самом вишарнике. Первым на соседний куст прилетел самец и неожиданно засвистел в полный голос, с азартом, включая временами в мелодию такие замысловатые коленца, которые соловью впору. Я заслушался. Шестилепестковые воронки лилейников присоединились ко мне, развернувшись в сторону певца. Казалось, только одна его песня и неслась над садом, и серебристое эхо неохотно гасло среди разноцветных цветочных раструбов. Через некоторое время на эти пыльные излияния прилетела самка и без паузы бросилась страстно целоваться со своим пыльным возлюбленным. Любовь отверзла свои объятия и приняла в них ещё одну пернатую пару.

Такого я никак не ожидал, зазевался, а пока прицеливался, непоседливая самочка соскочила на соседнее деревцо. Душещипательная сценка осталась вне кадра. Самец засиделся, продолжая пребывать в состоянии любовного экстаза, а к его подружке тут же подлетел другой ухаждёр, переступил по веточке ближе, демонстрируя откровенно амурные намерения. Но сердце, неожиданно ставшее предметом нешуточной конкуренции, ещё весной было подарено другому. Приличные коноплянки на посторонних хахалей не кидаются. Пернатому брачному аферисту было категорически отказано. Да и суженый пришёл в себя, встрепенулся, налетел вихрем, прогнал вероломного соперника. Судьба садового летописца пожаловала мне пернатый любовный треугольник. Благодаря этой традиционной в земном мире интриге я и наслаждался неожиданным потрясшим меня утренним концертом. Молодец певец – поборолся и победил.

Август – далеко не подходящее время выводить потомство даже для довольно продолжительного оренбургского лета. Парочка замахнулась на третий за лето выводок. Что кроется за этим? Страсть, пренебрегающая всеми возможными аргументами разума? А может быть, их постигла непоправимая беда – они потеряли всех своих деток и теперь полны решимости найти утешение в новом потомстве? Если бы знать...

Лето шло своим нерушимым порядком. Сад взрослел, становился солиднее и строже. Гладиолусы последним радужным салютом вскинули к небесам свои яркие крахмаленные жабо. И уже безучастными, полными предчувствий угасания карими глазами смотрел на уходящее лето гелениум «осенняя серенада». Зарозовели, распустились цветочки в крупных соцветиях.

тиях очитка видного, всё лето пребывавших зелёными, словно не решаясь раскрыть свою прелесть. Почуввав призывный запах, предвкушая нектарное пиршество, над пышными подушками закружили пчёлы и осы. Полянка с этим устойчивым к засухе седумом сразу сделалась центром притяжения всех взглядов в саду. И будет оставаться им до зимы – семенные коробочки очитков тоже радуют глаз. Я даже не срезаю побеги очитка до ранней весны.

Растёт здесь и парочка сортовых разновидностей очитка – пестролистный и краснолистный. У пёстрого цветы и листья гораздо светлее. Посаженные рядом, они создают очень интересную интригу в цветочном соперничестве садовых культиваров. Конец лета – время серьёзных цветов, да, жизнерадостных, улыбчивых, словно лучезарные телеведущие, но уже не разудалых, готовых на всё юных весенних безумцев.

Июльский певец

Над садом переливался нежный мелодичный птичий перезвон, словно сотни маленьких драгоценных колокольчиков несли с неба на землю благовест наступившего счастья. Неизвестно, откуда прилетели июльские возлюбленные, но вскоре вслед за ними подтянулись их многочисленные родственники. К саду прибилась целая стайка, особей более пятидесяти. Они расселились вокруг моего сада, отдыхали, кормились. И поджидали, когда подрастут птенцы той единственной из стаи пары, которая решилась на героический поступок – третий в году

выводок. Никогда впоследствии такого числа реполовов около моей фазенды не собиралось. Таким оказался для меня второй подарок от года первого знакомства с певчими – поразить так, чтоб докатило до самого-самого нутра. Постоянно над головой слышалось их негромкое ласковое постанывание, издаваемое во время перелётов с места на место. Как правило, птиц сначала можно было услышать, а потом уже отыскать взглядом. Душа улетала вслед за певцами, забывая, что её носитель должен промышлять земным, например, рассаживать облепленные детками шершавые розетки молодил, которых любители альпийских горок романтично называют каменной розой.

Излюбленным местом птичьих посиделок стали провода, протянутые вдоль садовой улицы, как раз напротив моего сада. Один раз, когда я подобрался к птичкам и уже изготовился к съёмке, на улице показались ещё какие-то люди, бредущие от электрички поливать свои экологически безупречные томаты. Такого нашествия посторонних птичьих нервы не выдержали, и пташки под лихорадочное щёлканье затвора моего аппарата начали дружно слетать с проволочного насеста. В суматохе некоторые птицы сумели сфотографироваться очень удачно, продемонстрировав характерный окрас, красоту и изящество полностью раскрытого оперения. Тогда-то я окончательно уверился в видовой принадлежности своих пернатых гостей. Это, несомненно, были коноплянки, хотя первоначально, по неопытности, я выбирал между ними и такой же красногрудой чечёткой.

Каждый приезд в сад начинался с одной и той же мизансцены. Меня встречали усеянные крошечными тельцами провода, похожие на нотный стан с записанной на нём и одновременно звучащей любимой мелодией коноплянок. Ангельские голоса напоминали пение облачённого в целомудренные белоснежные одежды женского хора в парижской базилике Сакре-Кёр на Монмартре во время моего первого тура в Европу. Молодые высокие голоса монашек, облагороженные идеальной акустикой храма, распахивали сердца слушателей навстречу благоговению и любви, как, собственно, и положено в храме.

Шла ежегодная летняя линька: пух на груди был взъерошен, красные пятна самцов побурели, поплёкли. Было видно, что линька достаточно неприятна: демонстрируя гибкость и подвижность суставов, птицы постоянно чесались, теребили клювом свою ставшую некомфортной одежду. И только обитатели моей барбарисовой чащи выглядели по-прежнему великолепно: и красная манишка самца, и кружевной вязаный палантин его подружки, казалось, совсем не пострадали от линьки. Алое великолепие на груди – это брачная гордость взрослого, полного любви самца. Для второй половины лета нарядная красная грудь – скорее исключение из правил. Моей парочке не избежать неприятной процедуры смены одежды, и дай им бог сил, чтобы справиться с этим испытанием перед лицом приближавшейся непогоды.

При моём приближении к стае обычно зачиналась беседа – звуки рассеивались в воздухе, услаждая своей спокойной приветливостью. На самом деле эта мирная мелодия, как я потом прочитал, служила сигналом тревоги: птицы решали, насколько опасны мои перемещения под проводами. Иногда мне позволялось приблизиться и, замерев, сделать несколько снимков, но чаще побеждала осторожность, и стайка перелетала на соседний пролёт проводов.

Молодёжь постепенно обретала лётные навыки, устраивая стремительные волнообразные облёты окрестностей. Как-то поздно вечером птицы разделились на две стайки штук по тридцать в каждой и устроили учебные полёты довольно низко над землёй, отчего все манёвры невеликих по размерам летунов были хорошо видны. Две эскадрильи летали легко, стремительно, компактно, выдерживая расстояние между «истребителями», пересекались курсами на поперечных направлениях, не сбиваясь и не перемешиваясь. Шоу длилось недолго, птицы растворились в теряющем свет небе. Такой скоординированный полёт птиц называется для русского слуха несколько потешно: мурмурация. Особенно интересно наблюдать это явление, когда в нём задействована большая стая. Границы птичьего облака чётко очерчены, форма изменяется неожиданно и эффектно.

Встречи с коноплянками продолжались весь тот замечательный год до глубокой осени. Один раз произошёл, на мой взгляд, показательный случай. Невдалеке появился медленно и невысоко летящий в нашу сторону небольшой длиннохвостый хищник. Привлекаемые собравшейся в стаю пернатой мелочью, где основной контингент в возрасте всего-то двух месяцев, эти парни всё чаще стали появляться над садовым массивом.

Вдруг две коноплянки взлетели с моего участка и с бесстрашием дагомейских амазонок бросились наперерез кровавому визитёру. Залетая с разных сторон, начали атаку, стремительно и очень решительно угрожая противнику. Несравнимо более крупная птица вынуждена была реагировать на агрессивное поведение отчаянных крошек, а когда с уличных проводов, заметив неравное сражение, сорвались им на помощь ещё несколько крылатых бойцов, хищник нехотя отвернул и, сохраняя видимость достоинства, полетел дальше, обогнув гнездовую территорию. Птицы без промедления, с риском для собственной жизни, пришли на помощь своим товарищам в опасную минуту. Действия двух коноплянок ещё можно объяснить инстинктом защиты потомства, но порыв остальных, не обременённых малыми птенцами, мне кажется, больше напоминает сознательные согласованные действия. Для таких случаев и отрабатываются в стаях навыки группового взаимодействия.

Начало осени получилось под стать необычно мокрому лету, что для наших мест редкость. Сентябрь, а зачастую и большая часть октября балуют бархатным погодным характером со всеми атрибутами бабьего лета: и почти полное безветрие, и плывущая в солнечных лучах паутинка, и величественное кружение разноцветной облетающей листвы, лёгкой, с запахом сухости и увядания. Всё это, как молитва, несёт в душу покой и смирение.

Но и у дождливой погоды, как у медали, есть оборотная сторона – грибов в пойменных лесах, в лесополосах хоть косой коси, с одного овражка можно набить багажник автомобиля. Получается не сбор грибов удовольствия ради, а добровольная индустриальная повинность, ибо переработать массу грибов – труд немалый.

По ощущениям, ненастье должно было затянуться. Я решил загрузить в машину наспех собранный урожай и, не дожидаясь, когда дороги развезёт, вернуться в город. Но, к счастью, небо с наветренной стороны просветлело. Довольно сильный ветер обещал, что погода одумается, вернётся в лоно прогноза метеоцентра. И я рискнул остаться. Никаких намёков на обитаемость воздушного пространства над садом не было. Птицы разлетались: кто на юга, кто в турне по окрестным лугам да полям.

Пришлось заняться уборкой сада, приготовлениями к зиме. Небосвод постепенно очистился. Первой садовую навигацию открыла сорока, потом я заметил стайку, разместившуюся в вишарнике, и решил её сфотографировать, но подпустили меня на расстояние приличного фотовыстрела только две пичуги, остальные, отыграв привычную флейтовую композицию, сорвались в очередной тренировочный облёт территории. Осталась моя любимая пара коноплянок. Смотреть на них было больно. Птицы линяли и, видимо, чувствовали себя неважно. Самец с взъерошенным пухом на груди и животе сидел прямо, почти без движений, нахохлившись, отчего голова сделалась маленькой, а грудь, наоборот, неестественно великой, и напоминал глубокого старика, этакое грузного и угловатого Жана Габена последних лет жизни.

Самочка хоть и была совершенно растрёпанная, но выглядела вполне бодрой. Они по-прежнему держались вместе. Грусть моя усугублялась тем, что я понимал: следующим нашим randevу случиться не суждено. Скоро линька завершится, и отличить моих квартирантов от прочих их родственников будет невозможно.

Я сочувствовал коноплянкам, но никто вокруг не замечал их затруднений: переболеют и поправятся, обычное дело. Казалось, что осеннее солнце искрилось золотистыми звёздочками в цветах лапчатки кустарниковой, которая в очередной раз за лето накинула на себя роскошную мантилью, расшитую яркими чистыми соцветиями. Из всех декоративных кустарников она, пожалуй, самая цветущая. Мне почему-то никак не удаётся посчитать, сколько раз

за лето она покрывается золотистым убором. Но нужно соблюдать условие: обязательно обрывать отцветшие соцветия, чтобы растение не тратило силы на семена.

Пришло время, когда дневная температура впервые опустилась к нулевой отметке. Садовая поверхность оголилась, я убрал листву большинства многолетников. Без укрытия земля зябла, блестела слезинками замёрзшей на её поверхности влаги. Потом в плотном, остановившемся воздухе медленно поплыли редкие большие снежинки. Снегопад пока не напрягался, словно понимал: ни к чему суровой царице первое подношение, всё равно долго оно не удержится, пропадёт, словно дешёвая безделушка. К полудню огородные грядки так и не побелели.

Одна ива не хотела признавать близких морозов. В длинные девичьи косы вплелись редкие мелированные жёлтым пряди, но листья, ещё нежные, живые, ластились к ладоням с трогательным целомудрием любимой дочери. Я занимался последними приготовлениями к зиме. В саду было тихо. Может быть, зрелище такого кроткого снегопада умиротворяюще действовало на пернатых, и они примолкли, прячась в густой рыжей траве. Вдруг невидимые ранее воробьи дружно загалдели из дальнего угла сада, словно возвещая о чрезвычайном, невиданном происшествии. И действительно, в небе стремительно пронеслась стайка невеликих птиц, очень похожих по лётному поведению на коноплянок. Сделав отточенный вираж, они расселись на уличных проводах, а малая часть, числом около десяти, разместилась на яблоне. Хотелось разглядеть новых посетителей, и я вспомнил, что в стохастические девяностые годы мною был честно обретён по бартеру – всего за два пузыря водки – старенький оптический нивелир. Он был нужен в ландшафтных работах для определения разности высот различных участков сада.

Я подхватил прибор и едва ли не с руки отыскал в побелевшем небе неожиданных гостей. Такого эффектного кино я ещё не видел. Нивелир переворачивает изображение, и в окуляре было видно, как на веточках яблони висели вниз головой создания с дивными пестринами на грудках, а вокруг подвешенных, плавно покачиваясь и кружась, возносились к небесам необыкновенно крупные пушистые снежинки – шестиугольные кристаллические совершенства.

Казалось, вместе с перевернувшимся пространством и само время потекло вспять, возвращая ушедшее, утраченное, поднимая забытое... Казалось, теперь можно все напутанные жизненные абзацы вернуть на исправление, довершить наилучшим образом.

Подсмотренный сквозь нивелир фрагмент романтического коноплянковского ревью выявил первоочередную задачу: в саду остро необходимы фотокамера с приличной увеличивающей оптикой и бинокль.

Итак, мои милые жильцы, про которых я давно решил, что они меня забыли, на самом деле никуда не улетали. Просто птенцы повзростели, и ареал обитания летучей компании расширился, а прощальное посещение сада, ставшего домом родимым, было запланировано как раз к моему приезду. Фотоаппарат лежал в машине, мне пришлось осторожно пробраться по дальней от яблони границе сада к воротам, взять «Сапог» и медленно красться под дерево. Коноплянки терпеливо ждали начала фотосъёмки. Я поднял их на крыло примерно на двадцатом кадре, когда, устав от напряжения, слишком резко поднёс аппарат к глазам. Вечером на снимках я в деталях смог рассмотреть осенний птичий убор. После линьки дамочки выглядели наряднее кавалеров: светленький, желтоватый сарафанчик, украшенный монистом из тёмно-бурых узких, продолговатых капель, являл собой образец эстетики птичьей одежды. Грудки самцов были слегка красноваты, пестринки были красно-бурыми и размером помельче, чем у самок.

Прощальное фото коноплянок

Было очевидно, что это последнее фото, подкараулить ставших подвижными коноплянок, а тем более приблизиться для съёмки на расстояние в три метра больше не получится. Так же, как в случае с варакушкой, мне чудесным образом было подарено и это последнее, прощальное свидание.

Всё то далёкое лето я оказался на удивление тесно связан с птицами, в первую очередь с певчими. Без телеобъектива сделал много вполне репрезентативных снимков. У меня появился добрый, этакий абстрактно-обобщённый товарищ, имя которому – птичий мир.

5. Подружки шведского соловья

Самки варакушки – особы закрытые, увидеть их непросто. Они лишены нарядной окраски, свойственной мужским особям, издали их очень трудно отличить от прочего мелкого птичьего населения сада, кроме того, они молчаливы. Если самцы варакушки на моём участке никогда не стеснялись фотографа, смело выскакивали на всеобщее обозрение, то самки в фото-модели никогда не навязывались.

Тем не менее с подружкой главного соловья моего сада я встретился в первый же год знакомства с певчими. Лето постепенно набирало скорость, расслабленное майское бытие уже не вспоминалось, у дачников начались заготовки садовых даров на зиму, а у варакушек птенцы вылетели из гнезда на вольные хлеба. Моя кустарниковая скромняшка благополучно жила в саду и никуда не собиралась пропадать. Варакушки, как правило, привязываются к одному месту, всё лето проводят неподалёку от своего заведённого гнезда.

Любительница малины

Свидание с «женой» варакушки состоялось в малиннике. Я решил полакомиться последней в году ягодой. К полудню дневная звезда изрядно притомила своим жаром всех жителей сада. Ветер обессилел, и редкие облака остановили свой бег к нескончаемому горизонту. Пестролистные хосты выпили утреннюю влагу, легли под солнцем, как бумажные полотенца. Берёзка уронила листочки, выдумывала себе ватный послеполуденный сон. Когда же ещё наслаждаться малиной, как не в жарынь, упав после прохладного душа в покоящийся в тенёчке шезлонг?

Преыдущее лето было необычно засушливое. Несмотря на полив, малина осталась низкорослой, собирал я её, сидя на корточках, а то и на коленях. Вдруг совсем рядом кто-то зашуршал сухой травой. Видимо, тоже на посощок лакомился душистой ягодой. Я осторожно

приподнялся и увидел очередного представителя отряда воробьиных, гуляющего по дорожке с долькой малины в клюве.

На шее у меня под коробком для ягоды, словно специально для этого случая, висел всё тот же неказистый фотоаппарат. Я его включил, поставил максимальное увеличение и, негромко для верности подсвистывая, выбрался из малины. Птичка меня прекрасно видела и слышала, но улетать не спешила и даже не убегала, а спокойно трусила на тонких, длинных ножках, оставляя своими лёгкими лапами едва различимые царапины на пыльной неровной поверхности. Периодически она деловито ныряла в кусты смородины, крыжовника, заросли жимолости, заставляя замирать моё сердце: а вдруг не вернётся! Но каждый раз возвращалась на тропинку, склёвывала что-то с земли и спешила дальше. Я крался за ней по пятам, не отрываясь от видеоискателя, в удобные моменты нажимая на спусковую кнопку и в очередной раз благодаря богов за прогресс в фотоделе и наличие у меня хоть и простенькой, но цифровой камеры. Я почти уверился в том, что передо мной варакушка. Наконец, пробежав метров двадцать, птичка решила закончить этот увлекательный процесс – вспорхнула, включив на прощание в хвостовом оперении рыжие лётные фонари. Всё-таки варакушка!

Дома, увеличив изображение, я увидел, что это взрослая самка. Наконец, мне повезло, я получил фотографии первой пары по-настоящему певчих птиц, поселившихся в моём саду. «Мадам» мне очень понравилась: стройная, с прямой, гордой осанкой, горло слегка желтоватое, а от манишки, которой щеголяют самцы, на грудке была представлена только кружевная чёрная каёмочка, да светлая бровь над глазом была выражена, пожалуй, ярче и строже, чем у самца, придавая ей благородную изысканность красавицы из высшего общества. Что ни говори, а парочка варакушек в моём саду проживала выдающаяся!

В тот год снимок самки – моего компаньона по малиновому застолью – остался единственным, но на следующий, уже с новым фотоаппаратом, получилось сфотографировать самку сразу после прилёта в Оренбург. Много уже прославил я весну на этих страницах, да очевидно, что по заслугам. Одна из основных примет весны в моём саду – это цветение мускари. Вроде нечаянно в самых разных концах сада возникают небольшие полянки, полные многоцветковых кисточек этого неприхотливого первоцвета. К одной из них я и подошёл сфотографировать своих густо-синих любимцев.

Жужжало большой

Около кистей кружило жёлто-коричневое насекомое, нечто среднее между мухой и пчелой, с длинным хоботком, который оно поочерёдно засовывало в распустившиеся бокальчики цветов. Насекомое подражало колибри, то есть не садилось на цветок, а зависало около него в стоячем полёте, отчаянно трепеща крыльями и бережно охватив лапами цветочный бокал с райским напитком. Новоявленный «колибри» меня заинтересовал, я его сфотографировал и забил в интернет запрос: «Насекомое, похожее на муху с длинным хоботком, питается нектаром». За что люблю интернет, так это за то, что на любой, даже самый непонятный вопрос он даёт совершенно правильный ответ. Толковые поработали программисты. Видимо, мой вопрос оказался не самым бестолковым, хоть и длинным. Среди первых фотографий, вываленных всезнающим гуглом, нашёлся снимок с моей симпатичной мушкой. Имя оказалось просто потрясающим: жужжало! Я немного посмаковал вкусное словечко. Но учёные не были бы учёными, если бы не пристроили к имени ещё и определение. В нашем случае им оказалось словцо, очевидно, наполненное многими смыслами, теснившимися в голове человека науки, но для человека, далёкого от энтомологии, невероятно неочевидное, несущее в себе бездну иронии: жужжало большой. Жужжало на самом деле жужжал, но едва слышно по очень простой причине: габариты двукрылого ненамного превышали размеры вообще-то крохотного бочонка мускари.

Рядом с цветничком журчал ручеёк, который я устроил, поливая виноград. Сначала моё внимание привлёк самец, который нарочито вызывающе крутился рядом со мной, всячески привлекая внимание. Я радовался возможности снимать птаху с самого близкого расстояния, но потом заметил самку, которая, не обращая на меня внимания, собирала насекомых по берегам рукотворного водного потока. Самец банально отвлекал моё внимание на себя. С тех пор весеннее чрезмерное внимание к моей персоне самца варакушки служило сигналом к началу съёмки самки. Коллекция дамских снимков варакушек начала стабильно пополняться.

Желания птичьего фотографа неистоцимы, это я вам как человек причастный заявляю вполне ответственно. Получив снимки самца и самки, хотелось поймать в объектив ещё и слётка (только что слетевшего из гнезда птенца), и молодого самца, который вывелся летом прошлого года и следующей весной своим белёсым горлом походит на самку. О слётках поведаю позже, а история с молодым самцом вышла занимательная... Дело было в начале лета. Время серенькой строчке ясколки, бегущей по границе сада, украситься множеством белых звёздочек. Яркие лимонные глазки в центре цветка смотрели на солнце радостно и просто-душно. Это при том, что я иногда и полить-то её забывал. Где-то рядом раздалось однотонное, протяжное «фий-и-и-и», старательно, но несколько тоскливо выводимое через равные интервалы времени.

Самка варакушки

Имитировать это простое сочетание звуков было несложно. Я негромко подсвистел и осторожно приблизился к пернатому Пьеро. Птичка не улетела, пение дуэтом ей нравилось, и мне удалось хорошо её рассмотреть.

Буроватая, стройная, даже изящная, с тёмным «ожерельем» на грудке, с белёсым, а не синим горлом, с заметными рыжими перьями в хвосте. Я решил, что это был молодой, прошлого года «выпуска», ещё не получивший настоящую «мужчинскую» окраску варакушка-самец. По всему видать, несчастливый – остался весной без подружки. И, расстроенный, постанывал, теряя голос прежде своих женатых сородичей. А что поделаешь, коли петь некому. Самки варакушки – дамы разборчивые, выбирают самых нарядных, самых сладкопевцев, не каждому везёт в многотрудном деле продолжения птичьего рода. Потому и песня в горле застыла.

Ясколка

Послушав этот сиротско-жалостливый шлягер, я проникся сочувствием к стонающему отроку и засвистел ему свои обычные вариации на темы птичьих мелодий. Он сидел довольно долго и внимательно слушал, слегка наклонив голову, напоминая неопытного, всем ещё доверяющего первоклассника. Приободрился. Наконец, поняв для себя всё, что нужно, птица слетела в густые заросли. Душа моя ликовала: я провёл настоящий мастер-класс для юного представителя рода соловьёв! Орнитология действовала всё более возбуждающе.

Я уже привык каждую встречу с пернатыми (а все они были для меня интересны чем-то своим) украшать собственными фантазиями, переводить пересвисты с ними на язык человеческий, но как же я в этом случае ошибся в своих выдумках! Рассмотрев на досуге фото «молодого самца», полистав интернетовские скрижали о варакушках, понял, что со мной общалась самка варакушки, взрослая умная птица, которая хоть прежде и не показывалась мне на глаза, но слышала наши дуэты с самцом и хорошо меня уже знала. Моя карьера варакушкиного педагога завершилась, не успев начаться. Весеннее фото молодого самца не состоялось.

Да и о чём вещала мне обычно молчаливая самка, я не понял и вникнуть в её слова по неопытности не постарался.

Гнездятся варакушки обычно в одном и том же месте, и я подозреваю, что ко мне прилетают одни и те же птицы, особенно крепка эта догадка по отношению к самке. У нас сложился некий трогательный ритуал: обычно непубличная, она каждую весну и каждую осень приходит ко мне как бы на официальный приём, подлетает совсем близко, неспешно прогуливается на открытом пространстве подле меня, фотографируется, свидетельствует своё весеннее прибытие или сообщает о скором отлёте на зимовку.

Ответственная хранительница очага

Больше всего из встреч со слабым варакушкиным полом запомнилось свидание, случившееся во время выкармливания очередного потомства. Варакушки неплохо прячут свои гнёзда в траве и ведут себя около гнезда осторожно; во всяком случае, если гнёзда коноплянок я находил и фотографировал довольно часто, то домик варакушек был от меня сокрыт в течение нескольких лет их гнездования на моём участке. А снять гнездо с птенцами очень хотелось, и однажды они прокололись, заселившись в малине. Весна и лето тогда выдались дождливые, трава поднялась повсеместно, полоть её я не успевал, вот мои жильцы и решили, что малинник самое то, что нужно. Разросся он около кое-как сотворённого из шестимиллиметровой проволоки соседского забора, и заботливые родители, прежде чем нырнуть к лукошку с птенцами, по очереди присаживались на проволочки оглядеться и прислушаться. Полный клюв букашек выдавал их намерения, и (о, счастье!) первое фото потомства шведских соловьёв в оренбургском саду состоялось. Птенцы были уже опушённые, угадывалась характерная для них пестристь оперения; желание сохранить инкогнито превалировало: головы струсивших птенчиков спрятались глубоко между маленькими телами.

На следующий день я летел в сад, воодушевлённый идеей повторить съёмку юных варакушек. Только я вошёл на участок и прошёл вглубь сада к домику, как на куст тернослива, росший перед дверью, выскочила мамка моих потенциальных фотомоделей и начала что-то напористо мне втолковывать. Это было удивительно: до сих пор от неё я слышал только роб-

кие односложные свисты. Я так растерялся, что не запомнил ни одного слова из её монолога, но звучал он сердито и дерзко. До меня быстро дошёл смысл отчаянного речитатива. Мне выговаривали за нарушение покоя птенцов, и, признаюсь, я устыдился. С жаром принялся убеждать несчастную родительницу, что всё осознал и вообще больше так не буду. Желание фотографировать и вправду пропало. Говорил на чистом русском, но птичка всё поняла, постепенно успокоилась и улетела. Я занялся своими делами, но через некоторое время самка вновь уселась над моей головой и на всякий случай повторила утреннюю воспитательную беседу, а я подтвердил полное отсутствие у меня недружественных намерений.

Если в вашей жизни был хоть один случай, когда хорошим манерам вас наставляла бы птица, вы поймёте постигшее меня неподдельное изумление. Крошечная пичуга продемонстрировала не только свои умственные способности, наличие у неё, осторожно скажем так, птичьего разума, но и умение коммуницировать с человеком. В школьном курсе биологии меня ничему подобному не учили. Самка варакушки, как, впрочем, любое другое пернатое, – существо разумное, запомним на всякий случай это наблюдение, оно нам пригодится.

А фото молодого самца варакушки, встречающего свою первую весну, я всё-таки (по крайней мере, мне так кажется) получил. В это время его действительно легко перепутать с самкой, а определил я его по наличию на крыле полосы, образованной светлыми охристыми каёмками верхних кроющих второстепенных маховых. И не думайте, что я прикалываюсь, это терминология орнитологов.

6. Гнездовые тайны коноплянок

Сам не заметив как, но, познакомившись с первыми певчими посетительницами моего сада, сделав пробные, честно говоря, не очень впечатляющие фотографии, я начал записывать истории, которые постоянно сопровождали вдруг случавшиеся встречи с неведомыми мне пичугами. По образованию я инженер, то есть естестволюб, и с удивлением обнаружил, что тексты, выходящие из-под моего пера, имеют очевидный романтический уклон. Однако в силу профессиональной привычки хотелось не только празднично созерцать, но и исследовать тему. А что для технаря может быть интереснее процесса производства и воспроизводства, в моём случае это строительство птичьих домиков-гнезд и взросление юных пернатых?

Мои «домашние» коноплянки, зачинатели домового строительства на территории дачи, облюбовали непроглядные заросли барбариса. Во второй половине лета полноправным владельцем садового провода стал самец коноплянки, здесь он обычно сидел, когда я приезжал в сад. Несмотря на установившиеся дружеские отношения, каждое моё появление он сначала встречал насторожённо. Учёные утверждают, что мимических мышц у птиц нет, но поза, интонации, взгляд определённо выражали неудовольствие реполова. На ворчание самца на провод взлетала самочка, осуждала меня солидарно, но скоро слетала вниз. Некогда ей со мной выяснять отношения, надо спешить в гнездо, к птенчикам. В лобовую не шла, «огородами» пробиралась, чтоб никто ничего не заметил. Забыла, что я давно раскусил их простодушную хитрость.

Справедливости ради надо сказать, что я особо и не искал их пристанище, самец прокололся сам, на моих глазах неосторожно выскочив из кустов. Внутри колючего убежища невысоко над землёй спряталось небольшое гнездышко, словно волшебный якорь, державшее около моего сада многочисленную стаю коноплянок.

Коноплянки питаются в основном растительной пищей и реже, чем насекомоядные птицы, кормят свои выводки. Нужно время, чтобы набрать семена и подождать, когда они пройдут первичную обработку в птичьем зобу.

«Тройняшки» в гнезде коноплянок

Выждав, когда очередная птаха, покормив потомство, вылетела из барбарисового убежища, я заглянул в гнездо, которое мне показалось чистеньким и уютным. Лоток заботливо выстлан толстым слоем мягкого пуха. На белой подстилке лежали два существа с огромными глазами (показалось, что это типичные гуманоиды) и одно голубоватое «космическое» яичко. Это всё, на что хватило последних августовских птичьих силёнок. Обычная норма – ближе к шести. На отдельных участках юного тела росли неряшливые пучки сероватого пуха. Вели себя гости родимой планеты вполне по-земному: на мой лёгкий свист с готовностью раскрывали жёлтые прожорливые клювики, думая, что это мамочка принесла вкусненькие семена одуванчика или сурепки. Они ещё не научились различать свист фотографа и призывный зов настоящих кормильцев, но совсем скоро при малейшей опасности будут затаиваться, изображая совершенно неживых гуманоидов.

Я долго не решался посетить колючее убежище молодых реполовов, а когда через несколько дней заглянул, чтобы рассмотреть гнездо, в зарослях встретил слётка, которого сначала не заметил, но он сам выдал себя, когда, испугавшись моей руки, перескочил внутри куста с одной веточки на другую и скрылся в неизвестном направлении. Фотосъёмка не состоялась.

Опушённые «гуманоиды»

Но эта неприятность только раззадорила, в моей голове возникла задача – сделать фото-летопись взросления птичьего выводка. Впоследствии выяснилось, что коноплянки и варакушки, первенцы начавшей складываться у меня фотоколлекции пернатых, не бросили меня, а селились в кустах моего сада на протяжении многих лет, чем и способствовали составлению задуманной фотолетописи. В разные годы я с великой осторожностью снял несколько гнёзд коноплянок с птенцами разного возраста. Первые два снимка птенцов удалось получить в августе, гнездо было построено среди веточек крупной шаровидной туи. Фотографии сделаны с интервалом в три дня. На первой птенцы ни в какую не хотели признаваться, что они самые настоящие коноплянки, спрятали клювики среди начавших покрываться пухом тел своих братьев, затаили дыхание. На втором фото крылья малышей уже обрели стержни будущих маховых перьев. И поглядывали они на фотографа через щель приоткрытого века с заметным подозрением. Взросленькие. Инстинкт затаивания в обоих случаях работал безотказно. Сколько я ни посвистывал, ни уговаривал ласково, – мол, ваша мама пришла, молочка принесла – никто не пошевелился, ротик не расхлебенил.

Уже не «гуманоиды»

Третий снимок со слётками вполне оправдывает своё сентиментальное название «Последняя минутка в родимом гнезде». Всё произошло в разросшемся кусте пирамидального можжевельника. Я выследил птичье убежище, но с фотографией на долгую память не спешил, поджидая, когда птенцы оперятся. Когда, наконец, собрался, то, раздвинув колючие ветви, увидел гнёздышко, а в нём двух насторожившихся птенцов. Оказывается, шёл выход из гнезда подросших птичек, и, к моему счастью, в гнезде задержались двое последних его обитателей – оперённых, но не обретших решительность для встречи с неизвестностью загнездового мира. Несколько снимков успели запечатлеться в памяти камеры, после чего один из птенцов решил, что он уже совершил всё возможное в интересах моей фотогалереи молодых пернатых, что дальше терпеть щелчки камеры просто невыносимо. Взлетел и удрал в соседский вишарник. Второй предпочёл затаиваться. Я покинул съёмочную площадку, а вернувшись на следующий день, застал уже только пустую плетёную чашечку. Очередное поколение реполовов вышло в свет.

Последняя минутка в родимом гнезде

Вынув из кустов отслужившее гнездо коноплянок и попробовав разделить его надвое, я удивился, как крепко оно сплетено. Казалось бы, обычные травянистые стебли должны были легко расплзтись, но не тут-то было, пришлось приложить значительное усилие. Плетение выполнено с подвохом: стебли скреплены паутиной (я-то ничего не разглядел, так утверждают специалисты), но мне кажется, должны быть какие-то скрытые узелки, которые при растяжении затягиваются, очень уж плотная получилась вязка, да и попробуйте найти паутину в апреле, когда закладываются первые в сезоне гнёзда. Снаружи травы грубые, внутри – тонкие, лоток выстлан мягкими материалами. Сложное, с инженерной точки зрения интересное сооружение.

Гнёзда разных коноплянок схожи между собой и устройством, и размерами. Как такое достигается? Строительные навыки передаются по наследству? Не похоже на правду. В интернете я видел забавную сценку, где молоденький птенчик бегал с широко раскрытым клювом над ползущей букашкой, точно такой, как те, что приносили родители, и явно удивлялся, почему эта вкусняшка не запрыгивает ему в рот. Ему ещё не объяснили, что букашек нужно клевать. Птенцы, как и люди, выводятся, не обладая навыками, помогающими выживать, они обучаются. Птенцы сначала даже не умеют глотать, взрослые птицы засовывают пищу им глубоко в глотку. А казалось, глотать и клевать – это те способности, без которых птице не выжить, уж они-то просто обязаны быть врождёнными, тем более птицы не рождаются строителями. И тем не менее мелкие птички зачастую уже на следующую после появления на свет весну строят гнёзда и выводят потомство. Освоить эту непростую профессию им явно негде и некогда. К тому времени, когда они подрастут, освоятся в новом мире, взрослые птицы гнёзд уже не выют, поэтому подсмотреть, подучиться негде, колледжей птичьих строителей не существует, а поди ж ты, строят! Домики коноплянок эксклюзивные, пернатые иных видов строят свои жилища из других материалов, отличаются конструктивно и по выбранному для строительства месту.

Если коноплянки плетут одинаковые жилища, значит, где-то должен храниться единый для всех образец, которому они так дружно следуют. Что за образец? Возьмём пример из человеческой практики. Образец дома всегда есть, и он существует в виде чертежей, которые хра-

нятся в архиве стройконторы. Там же лежат документы, описывающие, как нужно строить: какие брать материалы, в какой последовательности, с помощью каких приспособлений возводить задуманное строение. Называются они «технологический процесс». Раньше это были документы, выполненные на бумаге, и копии рассылались по всем строительным площадкам. Теперь всё выполнено на электронных носителях и передаётся из архива на стройплощадку при помощи интернета.

Вернёмся к птичьим реалиям. С бумагой птицы явно связываться не будут, значит, от сотворения земли и до наших дней они пользуются более продвинутыми вещами, до которых человек добирался тысячелетиями и додумался совсем недавно. А именно неким аналогом электронных носителей для хранения «документации» образца – этакой «птичьей облачной памятью» и «птичьим интернетом», передающим указания по строительству для каждой конкретной строительницы.

Только это ж ещё не вся картина строительства! Фантазировать так фантазировать! Кто-то должен был сначала разработать птичьи документы, например, это мог быть некий глобальный птичий мозг или, если уходить от материальных сущностей, птичий разум. Он же в режиме реального времени (по логике нашей фантастической теории) должен помогать птицам в процессе строительства, подсказывать, какие действия нужно произвести, выполняя технологический процесс. Проще говоря, буквально руководить выбором и укладкой каждой травинки в гнездо. Какая интересная штукавина нарисовалась в моей голове, я даже боюсь произнести эти слова: «коллективный птичий разум»...

Устроительница гнезда

Как же на практике может вестись строительство коноплянкиного убежища? Например, так: сидит птичка на веточке, обозревает окрестности... Видит деревья, кусты, травку, отдель-

ные веточки, а также пушинки, паутинки, и всё это в режиме онлайн передаётся с помощью птичьего интернета в «коллективный птичий разум». Затем по полученным от «разума» указаниям набивает клюв травинками и несёт их в определённый куст барбариса или можжевельника, укладывает их строго в соответствии с очередными командами руководства. И так до полного завершения строительства. Этаким или почти таким, на взгляд сегодняшнего строителя, невероятным порядком возводится первое в жизни птичьего индивидуума жилище. Далее возможны нюансы. Как мы уверились выше, птицы – существа обучаемые, поэтому можно предположить, что на следующих гнёздах коноплянка во всё большей степени проявляет самостоятельность. Это логично для высокоорганизованной системы: каналы связи и центральный вычислительный центр (да-да, я снова про «коллективный разум») должны по возможности разгружаться пользователями с помощью их собственных интеллектуальных возможностей.

Похоже, что в идиллическое течение моего художественно-натуралистического эссе постепенно начинают вливаться тревожащие потоки фантастических переложений окружающей реальности.

О-ля-ля! А вдруг всё, что я нагородил, хоть в какой-то степени правда? Как бы то ни было, а природа – гениальный придумщик, и много вокруг существует ещё всего классного, чего мы, возможно, никогда и не постигнем. Но я, хоть по воспитанию и материалист, не будучи профессиональным учёным, которому следует высказывать идеи, подкреплённые или опытами, или расчётами, могу себе позволить определённые вольности. Тем более что разум – это понятие умозрительное, даже единого определения не имеет, не говоря уже о том, чтобы его как-то измерить. Во сколько раз человеческий разум крупнее, мощнее, значительнее разума самки коноплянки? В настоящее время этого не скажет никто, более того, многие уверены: у коноплянки вообще нет разума.

Правда, есть понятие коллективного разума у некоторых животных, но и оно вызывает споры: разум это или простое копирование особью действий своего соседа. Интересны исследования взаимодействий муравьёв; например, установлено, что алгоритм регулирования интернет-потоков, придуманный американцами в 1974 году, аналогичен алгоритму работы полчищ красных муравьёв-жнецов при доставке добытой еды в гнездо, «придумали» они свой алгоритм на много миллионов лет раньше американцев. Неудобно спрашивать, разум ли это или копирование действий соседа. Подождём энное количество лет, когда материалисты поймут, что есть разум, придумают меру и способ его измерения, – и разом завершим все сегодняшние споры и про индивидуальный, и про коллективный разум.

7. Беззаветные друзья

Я безумно люблю путешествовать. Дальние поездки подзаряжают мой внутренний аккумулятор. Не могу сказать, что скучаю по дому, новых впечатлений столько, что о степной своей обители и не вспоминаешь. Но тем не менее в сад возвращаюсь с удовольствием. Таким же радостным было моё возвращение домой в незабываемое лето трогательной дружбы с первым поселившимся у меня самцом-варакушкой.

Пока меня не было, погасли разноцветные фары пионов, стройной колонной отделяющие простые огородные растения от пышной садовой знати. Затухли светильники на длинных ветвях жимолости каприфоль. Цветы этой лианы устроены очень интересно. На кончиках веток верхние пары листьев срослись основаниями, образовав чаши, внутри которых бьются лепестки душистого пламени. На свидания с жимолостью лучше ходить вечером, когда свет, завершающий день, цепенеет на цветочных венчиках и запахи усиливаются.

Отцвели летнецветущие спиреи. Зато примерили сиреневые и белые юбочки эхинацеи, разрослась, набрала мощь петуния – сад по-прежнему раскрашен ярко и празднично. Расцвела и нигелла дамасская, лёгкая и безгрешная, как пасмурный денёк в череде изнуряюще знойных. Юная душа в ласковом родительском гнезде из тонких ниточек-листочков. Она больше достойна другого своего имени – девица в зелени.

А главный сюрприз – самец-варакушка мой вдруг запел, защёлкал соловьём, расшумелся громче обычного. Я решил, что он празднует освобождение от семейных забот, радуется погожему дню, обилию корма, да и просто проснулся в хорошем настроении. Подсвистел ему немного, подыграл – мол, и у меня настроение тоже вполне замечательное, потом засел в малине.

Самый красивый из соловьёв

Ягоды уже давно начали зреть, первые даже перестояли, набухли, проявился лёгкий аромат малиновой закваски для домашнего вина, которого я в былые годы ставил немало. У меня слабость к свежей малине, люблю есть не по одной яголке: набираю пригоршню и отправляю её в рот, дабы ни один вкусовой рецептор не остался не затопленным малиновым цунами. Я так увлёкся поеданием ягод, что забыл о варакушке.

Его не было, но через некоторое время вижу – летит прямо на меня, свистит что есть духу и вдруг надо мной резко затормозил в воздухе, завис, часто маша крылышками, подобно голубю турману перед началом многокаскадных переворотов, так что я даже заволновался: вдруг и вправду начнёт кувыряться, а высота-то – всего метра четыре. Артист благополучно закончил акробатическую составляющую номера, сел на излюбленное место на тросе «лицом» ко мне и продолжил закладывать свою потрясающую арию уже в статичном положении. От возбуждения варакушка даже распушил хвост, засверкавший в солнечных лучах неотразимым оранжевым шлейфом. Это было тем более удивительно, что варакушки должны закругляться с концертами, время песен заканчивалось. Мой опыт наблюдения за птицами толком даже не начал накапливаться, и я было подумал: весь этот утренний концерт разыгрывается для меня, малышка соскучился и приветствует моё возвращение! Почти уверился в этом совер-

шенно невероятном предположении и начал подсвистывать своему любимцу, включая время от времени в пересвист небольшие весёлые отрывки из популярных мелодий.

Умилившись досыта, я задумался над тем, что произошло на самом деле. Вдруг это был токовый полёт? Быть может, это был второй акт птичьих романтических отношений? Не исключено, что с другой самкой. Варакушки в основном моногамны, но и самка, и самец могут сходить на сторону. Второй выводок у варакушек редко, но случается.

Это были размышления после первого года «общения» с варакушкой. Но в дальнейшем история, хоть и не так экспрессивно, без зависания над моей головой, повторялась из года в год.

Взрастив потомство, сбросив с плеч тяжкую ношу добытчика и кормильца, перед концом певческого сезона самцы варакушки увеличивали «разговорную» активность и регулярно подлетали ко мне «пообщаться». Понятное дело, очередное поколение введено в строй, можно и с друзьями расслабиться. Однажды около меня крутились сразу два говорливых самца. Я не могу воспроизвести птичье пение, пытаюсь просвистеть какие-то слоги из птичьей фразы и повторить интонацию. Только и всего. А пичуги реагируют. Самое интересное, что так же ведут себя и коноплянки, и серые славки, и многие, многие иные птицы. Самец коноплянки, освободившись от кормления первого выводка, порой подлетал ко мне вплотную, садился над головой и сыпал песенные переливы так, что уши закладывало, – требовал «поговорить». А самчик славки однажды три дня гонялся за мной, никак не мог наболтаться. Такие вот чудеса в моём саду случались, хотите – верьте, хотите – нет.

Дальше во время творческих диалогов с пернатыми включалась фантазия, в голове сами собой слагались душевные диалоги, которые мы якобы веди. Я, конечно, впадал в эйфорию: передо мной были дикие представители мира животных, а не домашние собаки или кошки, разговоры хозяев с которыми – дело обычное. Но когда-то ведь учёные разгадают птичий язык, сделают электронные, а то и биологические переводчики, вот тогда и поболтаем, и узнаем от пернатых много интересного, ведь это совершенно особенные создания, и мир, в котором они существуют, мы даже не осознаём.

Что творилось в птичьей душе, какие чувства на самом деле испытывали мои визави, я не знал, возможно, они выказывали неудовольствие от того, что я вторгаюсь в их личную жизнь. Но по тому, что птицы не прятались и не улетали, я для себя всё же решил, что они ко мне расположены. Говорят, с некоторыми людьми такое бывает, возможно даже, что я какой-то частный случай такого, на первый взгляд, невероятного везения.

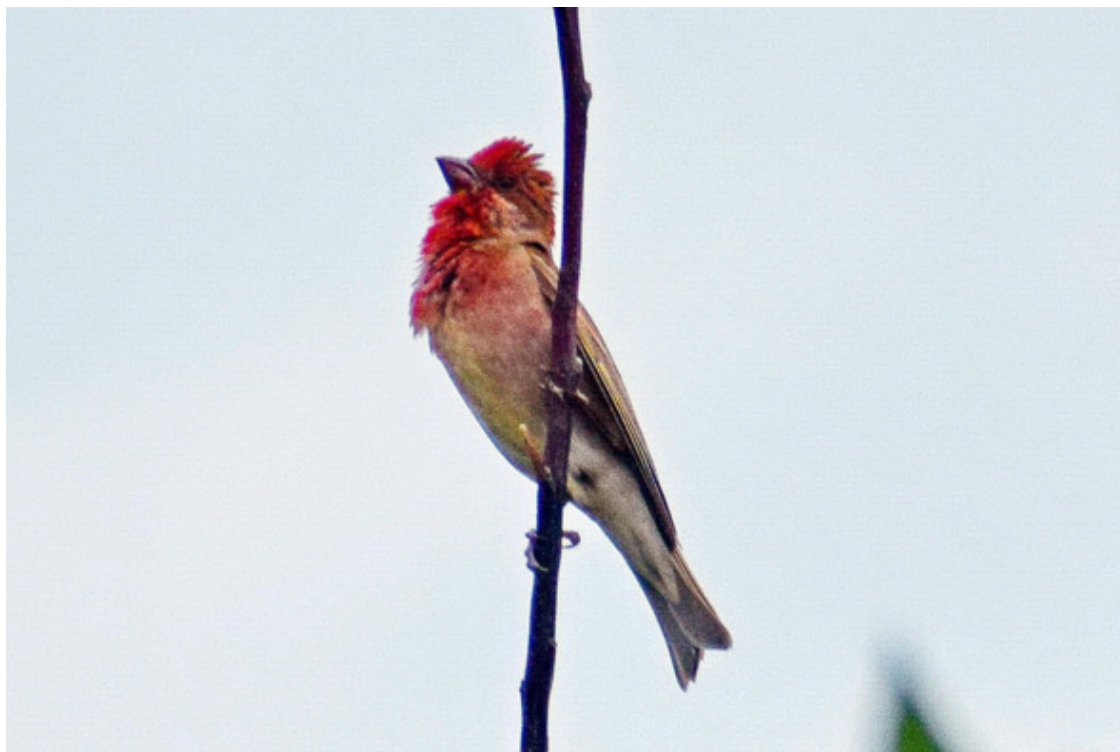
Довольно долго я забавлялся, пересвистывая птиц, не понимая, почему птицы участвуют в этом развлечении, но однажды до меня всё-таки дошло.

Работал я на даче и где-то в глубине садового массива услышал отчётливые птичьи свисты: «Витю видел? Витю видел?» Так можно интерпретировать незатейливую песню самца чечевицы, которого иногда ещё называют красным воробьём. Познакомился я с ним недавно, здесь же, в своём саду, охотясь за серой славкой, и попутно снял сначала красногрудого самца, потом и его пёстренькую подружку, приняв их издали за коноплянок. Дома же, обрабатывая снимки, с удивлением узнал, что это чечевицы, птицы сибирские, но успешно осваивающие европейские равнины. Селятся у рек и, видимо, поставив на крыло потомство, с берегов Сакмары прилетели ко мне познакомиться. Ну, я и рад был безмерно! Всё-таки удачное место у дачи моей! Окрестности Гребеней оренбургские орнитологи ещё в начале двадцатого века отмечали как исключительно интересную птичью вотчину. Через сто лет я с удовольствием подтверждаю их правоту.

Песня чечевицы не отличается особым разнообразием, но некоторые варианты всё-таки допускаются. Гуляя по пойменным лесам, слышал и более настойчивое «Ты Витю видел?», и совсем категоричное «Ты ведь Витю видел?!» Говорят, это единственная птица, умеющая произносить своё название. Не знаю, возможно, мне не повезло, может быть, глуховат становлюсь, или фантазии не хватило, только доводилось слышать опять-таки вариацию про Витю,

этакий недоумённый вопрос попавшего впросак существа: «Ты ведь Витя?» Похоже на «чечевица», да не очень, видимо, это особенности оренбургского чечевичьего диалекта.

Как бы то ни было, заслышав запев красного воробья, я по привычке подсвистел: «Витю видел? Витю видел?» Птах удивлённо примолк, потом включился в диалог, но уже перелетев поближе. Свист у чечевицы ясный, простой, передразнивать его несложно, и у меня получалось просто идеальное воспроизведение оригинала. Это завело певца, он перелетел ещё ближе, а затем и вовсе осторожность потерял, выскочил на передние веточки кустов, скакал вокруг меня, не веря глазам своим: «Неужели человек?» Долго мы передразнивались, потом он улетел, но и издали продолжал мне перечить.

Чечевица

Здесь-то я и прозрел: для птиц такие пересвисты – это игра, играют они и между собой, и со мной, коль уж я попадаю под руку. Играют увлечённо, страстно, с удовольствием. Однажды зимой в Зауральной роще я слышал забаву двух сидевших на соседних тополях дятлов, выбивавших из сухих веток звонкую разливистую дробь. Строчили поочерёдно, соревновались, кто лучший в Оренбурге барабанщик. Один явно проигрывал, не повезло с инструментом: глуховат сучок оказался, то ли недосушен, то ли жучками побит. Осерчал, налетел на победителя, прогнал от звучной ветки, выбил звенящую победную дробь. Второй дятел не стал сражаться за свой барабан, нашёл новый, ударил в него клювом, а вышло-то лучше прежнего, снова победителем оказался!

Припомнилась забавная игра птиц с довольно крупной дворнягой в догонялки. Воробьи прятались от собаки в проходах между машинами, та их находила, бросалась в проход как бы с самыми страшными намерениями, воробьи якобы в испуге отлетали под машинами в следующий проход. Псина под машиной пролезть не могла, выскакивала на тротуар, в другом проходе находила пернатых забияк, бросалась туда, птицы опять не разлетались кто куда, а ныряли под машину в очередной проход, и дальше игра шла в том же алгоритме. Развлекались с видимым воодушевлением.

Получается, моё первое предположение о том, что варакушка-самец, совершивший над моей головой токовый полёт, – это, можно сказать, пернатый игроман, подсевший на наши дуэты, как Достоевский на рулетку, оказалось правдой. Он действительно соскучился и таким образом бурно радовался возвращению партнёра, чтобы продолжить любимые музыкальные конкурсы, в которых он к тому же всегда становился лауреатом.

8. Майские сюрпризы

Скоро отсчитываются полные труда и забот погожие, ещё не жаркие дни. Светлая зелень весенней листвы постепенно стала главным содержимым майской палитры. Вишня и слива уже обронули белое покрывало, молодые блестящие листочки прикрыли неприглядную корявость древесных скелетов. Закидал себя белыми мазками соцветий боярышник. Простёр навстречу лету широкие объятия барбарис, развесив на длинных колючих побегах ярко-жёлтую ароматную бахрому соцветий. Заявились в цветочном царстве десятисантиметровые щитки калины, раскрылись их снежно-белые кружева-венчики. Примерили свои жемчужные ожерелья божественные весенние спиреи. Густой пчелиный хор вдохновенно гласил: «Осанна!»

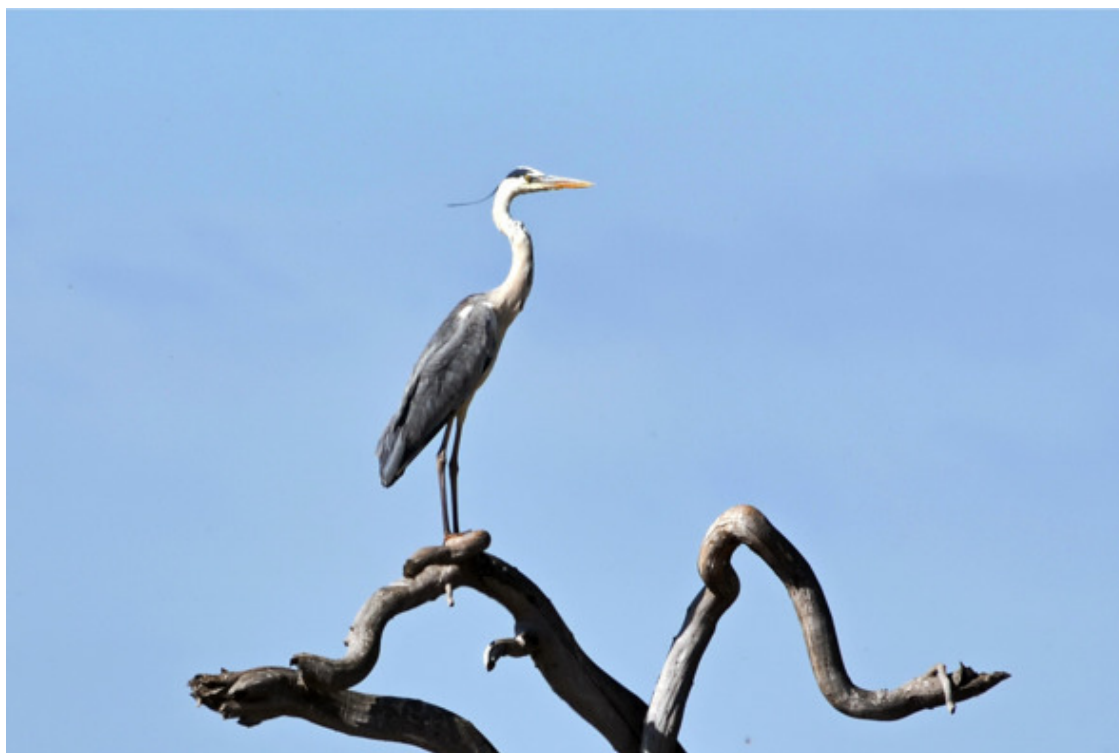
Покаюсь: загустил я посадки, это часто случается с неопытными озеленителями. Но оказалось, что нечаянно получившиеся композиции растений сочетаются изумительно. Слепляющие своей белизной пониклые цветковые ручейки спиреи Вангутта, словно специально перед камерой, расступились и пропустили навстречу солнцу и восхищению зрителей зацветающие побеги краснолистного пузыреплодника.

Выросла, распушилась ажурной листвой пионовая рабатка. На плотных сферических бутонах заблестели прошитые солнцем капельки нектара, выделяемые специальными желёзками – внецветковыми нектарниками. Здесь же засуетилась стайка воробьёв. Птички садились на тонкие цветочные побеги и осторожно, чтобы ненароком не переломить ненадёжную опору, спивали с шарика сахаристую жидкость. Когда я подходил слишком близко, слетали на ближайшую яблоню и сердито на меня покрикивали. Экие сладкоежки, оказывается! Правильно сердятся: спешить надо, пока не почуяли сладкое муравьи, – набегут неисчислимые, выпьют, высушат хрустальные шарики, тут и пиру конец. Май и начало июня – особенно «прибыльный» для фотоохотника срок, когда можно подобраться к птице совсем близко. Пернатые устраивают свои семейные отношения и не очень заботятся о безопасности. Особенно грешат этим

самцы: не так-то просто околдовать разборчивую самочку, приходится, не помня себя, ухаживать, поднося угощение и распевая лучшие песни. Правда, день на день не приходится. Бывает, что несколько дней подряд одни и те же натурщицы лезут в кадр одна за другой, без остановки, получается, будто смотришь закольцованную плёнку назойливой телерекламы. А в другой раз за полчаса снимешь сразу парочку очаровательных незнакомок.

Так однажды и получилось. Мало уже кто помнит, что вопрос «на что потратить выходной?» со всей серьёзностью встал в прошлом веке с введением в стране пятидневной рабочей недели, но актуален он и поныне. Один день кое-как уходит на хозяйственные заботы, судьба второго многовариантна: в каждой семье своё решение. А почему бы не отправиться в однодневное путешествие?

Тюльганский район, один из самых живописных в нашей области, очень к таким поездкам располагает. Он счастливо разместился на границе степи и лесной зоны, здесь начинаются первые хребты Уральских гор с самой высокой отметкой над уровнем моря в Оренбуржье. Ландшафты великолепны и, как оказалось, заселены интересными пернатыми фотомоделями. Одно из примечательных мест района – село Давлеткулово. Здесь я прокатился по горной гряде от горы Мулькамантау на север вдоль речки Яман-Юшатырь. Пейзажи с одной стороны горной дороги радовали глаз, виды с другой активно спорили за право на внимание фотографа. На высоте, отгоняя жару, гулял ветер. Его усилиями на линиях южный небосвод ползли первые нерешительные облака предсказанной вечерней грозы. По самым глубоким морщинам гряды сбегали к речке зелёные кустарниковые реки. Несмотря на беспокоивший ветер, увиденное умиротворяло. В свои поездки по Тюльганскому району я брал разных людей, и было заметно, что все они, пусть и в различной степени, испытывали согласные чувства. От нас лучилась сердечная теплота, и нам продлялись земные сроки.

Серая цапля из Тюльгана

Скромненькая, но настырная речка Яман-Юшатырь многие годы точила бочину горы Мулькамантау и вскрыла «опорный разрез лагунно-озёрных тонкополосчато-слоистых красноклетчатых отложений казанского яруса верхней перми. Слои падают под углом 20—25°

на северо-восток». (Цитата из книги А. Чибилёва «Природное наследие Оренбургской области»). В переводе с научного на язык простой и понятный это красивейший обрыв красного цвета. Геологическая родословная села Давлеткулова, насчитывающая миллионы лет, да ещё и падающая под углом.

Здесь же, неподалёку от обрыва, выехав на речной берег, увидел я стоящую на мелководье серую цаплю. Цапля обычно охотится на лягушек и рыбу, стремительно схватывая их клювом. Чтобы не вспугнуть птицу, остановился и, надо сказать, удачно: около неглубокого овражка, сбегавшего к реке. Осторожно соскользнул на его дно, подобрался почти вплотную к длинноногой красавице, но стоило мне выглянуть из укрытия, птица переполошилась и улетела. Не сообразил хотя бы пучком травы замаскировать свою любопытную физиономию. Подсадовал, да ничего уже не исправить. Но цапля будто пожалела меня, отлетела недалеко, на высушенные, причудливо перевитые корни вывернутого внешней водой дерева, подарила фото со щёгольской тёмно-серой косичкой. В средние века цапля ценилась как объект соколиной охоты. К счастью для птицы, сейчас это всего лишь забытый пережиток далёкого феодализма.

До сих пор я фотографировал только птичек-невеличек, обитавших около моего сада. Удача с крупной цаплей меня очень порадовала, и, видимо, чтобы приободрить начинающего фотоохотника, вскоре мне была подарена возможность снимать цапель сколько душе угодно. Случилось это в Стамбуле, в парке Гюльхане, рядом с дворцом турецких султанов. Дело было весной, когда у птиц возникают те самые, романтические чувства. На высоченных платанах вовсю шёл ремонт прошлогодних гнёзд, строительство новых. Трогательные сценки ухаживания самцов за самками наблюдались едва ли не на каждом втором дереве.

Прямо над моей головой обустривалась пара цапель. Молодые и задорные. Самец принёс веточку, самка её пристроила в стенке жилища, ждёт новую, а самцу лететь неохота, хочется с подружкой побыть. Не дождалась самка веточки, отошла от гнезда немного, стала хлыстик выламывать, а самец к ней и там ластится: крылышко почешет, шейку погладит, не знает, как ещё любовь свою выказать. Но самка – существо ответственное: сначала дом, а уж потом нежности. Сердится, даже чубчик на голове взъерошился, веточек-то в гнезде просто неприлично мало.

Молодожёны

Соседний платан занял престарелый самец. Неприкаянный и неустроенный. Обрюзг и лицом, и шейей, косица растрепалась, неопрятная. Пришла очередная весна, дом строить надо, а неохота. В прошлогоднее жилище специально долго не прилетал, думал, позарится кто, так и жениться не придётся. И вправду заняли гнездо расторопные родственники. Вот и бог им в помощь! Подремал немного на вершине платана, да проклятый инстинкт продолжения рода не дал отсидеться. Натаскал цапля несколько веток, накидал грудой, сидит и думает: «Зачем мне это надо? Уж хоть бы никакая самка не прилетела, не позарилась на мою кучу». Да не тут-то было, прилетела хозяйка, престарая и сварливая. Пуще прежнего печалится цапля: «Теперь придётся гнездо достраивать, по платанам мотаться, ветки ломать, а они крепкие. Клюв повредить можно и ничего не добиться. Лучше уж было б холостяком перебиваться. И зачем только этот инстинкт выдумали? Сначала гнездо надо строить, потом ещё и корм птенцам носить. А я уже стар стал, себе бы лягушонка на ужин раздобыть». Эх, туретчина! До чего ж занимательные там нравы.

Престарелая пара

Путь мой продлился вверх по течению речки. Чувствовалась заповедность, нетронутость местности. По полянке у пыльника в поисках пищи прогуливался кулик-сорока – осторожная чёрно-белая птица с длинным ярко-красным клювом и такими же красными глазами, казавшимися особенно большими ещё и потому, что по краям век нарисовано оранжевое кольцо. Не ждал гостей, уставился на авто в недоумении, позволил себя сфотографировать. Рацион у куликов разнообразный. При этом птицы сообразительны и проявляют замечательные охотничьи навыки. Ловят мелкую рыбёшку подобно цаплям. Насекомых добывают даже из-под камней, подсовывая клюв под камень или переворачивая его. В сезон лакомятся ягодами. Могут украсть из чужого гнезда яйца. Панцирь ракообразных разбивают клювом, а раковины моллюсков засовывают в трещину в скале, как дятел шишку в щель на дереве, а затем ловко её вскрывают. Наблюдательные жители Британских островов нарекли птиц ловцами устриц.

Кудлик-сорока

А вот птенцы, хоть и появляются на свет опушёнными и сразу покидают гнездо, в первые дни жизни проявляют полную бестолковость. Самостоятельно такой пуховик не охотится, более того, когда родитель положит перед ним пойманное насекомое, долго не понимает, что это и зачем оно здесь. И только после продолжительной недоумённой паузы хватается родительскую добычу.

В кадр этими рубежными майско-июньскими днями попадают в основном самцы. Весной они красивы и сладострастны. На радость фотографу природа нарядила их в яркий брачный наряд. Перья не потёрты, не изношены. Краски оперения сочные и глубокие.

Самцы часто устраиваются на каких-либо возвышениях. В степи такими возвышенностями оказываются не только сухие прошлогодние метёлки полыни, коровяка, конского щавеля, но и одинокие невысокие кустики, случайные степные кочки да опознавательные таблички газопроводов, телефонных кабелей. С моей точки зрения, очень удобные постаменты для пернатых фотомоделей. Неотразимые самцы распевают часами, развлекая самок и заодно обозначая границу своих владений. Увлекаются так, что зачастую теряют бдительность. Не раз видел, как при моём приближении подлетевшая самочка сгоняла с такой трибуны зазевавшегося певца.

Иногда по дороге в сад случилась удачная фотоохота на неведомую мне пичугу, с виду простую, да определить, как её звать-величать, оказалось сложно. Я истово копался в глубинах интернета, сравнивая птичку с описаниями и фотографиями разнообразных пеночек, камышевок, славок. Всё это маленькие, трогательно-изящные, с неярким, но гармоничным оперением птички. В конце концов, решил, что мне встречалась тростниковая камышевка. Увы, я ошибался. Много позже выяснилось, что передо мной по веточкам чертополоха скакала северная бормотушка.

Северная бормотушка

Жила она в густой куртине степного миндаля. Вдоль дороги, по которой я ездю в сад, небольшими компактными группами растут вперемежку невысокие кустарнички миндаля и чилижника. Весеннее цветущее чудо. Первыми в просыпающейся степи поднимаются розовые волны миндаля – и глаз не отвести, запахом не надышаться. Следом встают цветущие валы чилижника, ещё более душистые, ярко-жёлтого цвета. Густой кустарничек и высокая степная трава – вот то, что нужно бормотушке, чтобы спрятать гнездо.

С годами северная бормотушка стала, можно сказать, родной пташкой, частенько устраивала гнездо на моём участке. Милее были только варакушки и коноплянки, по праву первого ко мне появления. Но однажды, уже по прошествии нескольких лет знакомства, случился меж нами забавный инцидент. Прилетели они по весне в мой сад среди прочей воробьиноподобной мелочи с явным намерением бросить здесь якорь. Между прочим, белорусы её зовут просто умильно как ласково: поуднёвая мармытуля. Птички-пересмешки. Мне, собственно, всё равно, кого они пересмеивают, но поют громко, а главное – чрезвычайно увлечённо.

Так вот, прилетели, и самец, вместо того чтобы, как заведено у меня с прочими пернатými, представиться, сфотографироваться для моей фототеки, начал, как у нас всё ещё выражаются не очень культурные мужчины, выделяться. Спрячется в листве и поёт вызывающе. Я ему намекаю, мол, выскочи наперёд, подари снимок, а он типа «не, не желаю». Я, конечно, этого певца всё-таки сфотографировал, но его издевательство запомнил. Время шло своим чередом: бормотушки отстроились в кустике спиреи Бумальда, заделали яйца, высидели птенцов, и наступило самое удачливое время для фотографов, а это кормление подрастающих отпрысков. Я высмотрел, где спрятано жилище бормотушек, но делал вид, что ничего не знаю. У меня вообще-то растёт около десятка разных спирей, но выбор парочка сделала в пользу Бумальда, хотя это был не лучший выбор, многие спиреи растут в более укромных местах. Корм для птенцов бормотушки отыскивают удивительно быстро: несколько минут после вылета из гнезда – и птичка с полным клювом букашек возвращается уже обратно.

Итак, пришло время работы пищевого конвейера. Я с энтузиазмом собирал клубнику и, разогнув измождённую спину, потянулся, набрал в лёгкие воздуха, чтобы собраться ещё

и с силами. Клубника растёт около спиреи Бумальда, и я просто не мог не заметить бормотушек. То ли солнце излиха припекло, то ли сказалась усталость, но повёл я себя вызывающе, примерно как самец бормотушки по прилёте в мой сад. Взяв фотокамеру, я встал в двух метрах от гнезда и принялся наблюдать. Спирея растёт неподалёку от забора, и птички использовали проволочины забора как промежуточную посадочную точку перед нырком в спирею к гнезду. Смотрю, сел самец бормотушки на забор, осмотрелся и заметно опешил: около гнезда непозволительно близко стою я. Отлетел на боярышник в надежде на то, что я уйду. А я стою. Вернулся птах на забор и уже не очень уверенно намекает, мол, отойди, птенцов кормить надо, а я ему типа «не, не желаю, хочу снимок крупным планом». Так и пришлось ему позировать. Вот как живём-то: воспитываем не в меру заносчивых мармытуль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.